

Сергей Виниченко

Казинский монастырь: мифы и факты

Сергей Виниченко

Казинский монастырь:
мифы и факты

Костанай
2026

УДК 94(574)
ББК 63.3 (5Каз)
В 50

Виниченко, С.
В50 Казинский монастырь: мифы и факты/Сергей Виниченко. –
Костанай, 2026. – 70 с.

ISBN 978-601-12-8119-5

© Виниченко С.Н., 2026

От автора

Моё исследование посвящено истории Архистратиго-Михайловского женского третьеклассного монастыря, существовавшего всего четверть века (1896-1921), но на долгие годы оставившего значительный след в духовном-нравственном просвещении местного населения. В работе использованы различные источники: документы, фотографии, воспоминания. Исследование включено отдельной главой в книгу автора «Тихий Ишим».

Во второй части сделана попытка проследить историю детского дома, образованного на месте бывшего женского монастыря.

Из истории Архистратиго-Михайловской женской обители (1896-1921)

В западной части Жамбылского района Северо-Казахстанской области, в березовой роще, лежат развалины женского монастыря, в стенах которого более столетия назад кипела жизнь. Сегодня, в год 130-летия с момента основания, Архистратиго-Михайловский женский монастырь официально признан сакральным местом Северного Казахстана.

В жарком июле 1972-го года группа подростков играла в футбол на северной околице села Макарьевка. В этой неуправляемой ораве носился по горячей пыльной земле и я. Наконец, умаявшись, футболисты упали на выбитую траву. Взгляд мой скользнул по дальней линии горизонта, где просматривались облитые нежными лучами заходящего солнца березовые колки.

– А что за дома в том лесу? – покусывая травинку, спросил я у подошедшей сестрёнки.

– Та це ж дитдом був, – услышал я в ответ мелодичный Галин суржик, доставшийся ей от полтавских предков. Так я впервые узнал о монастыре.

Потом появились мифы.

– Монашек там хоронили с золотыми крестами, – гласил один из них устами пожившего на белом свете старика.

– Генеральша своё золото там спрятала, – утверждал другой распространенный миф. В то время я и не подозревал, что поиск фактов и развенчивание мифов окажется для меня длиннее жизни.

В 1974 году с группой школьных товарищей-велосипедистов я впервые посетил развалины монастыря и был впечатлён их величию. В роще просматривалось множество земляных насыпей, свидетельствующих о некогда бурной деятельности жителей этого места. Бугры составляли целую улицу и тянулись вдоль северного берега озера Детдомовского, лежащего в низине в полуверсте от развалин. В соседней Макарьевке, расположенной в шести километрах южнее, старушки больше говорили о детском доме, ликвидировали который совсем недавно – в 1966 году. Десятилетия хватило, чтобы разорить детский городок, многие здания которого имели историческую ценность. Тогдашние власти не посчитали нужным сохранить для будущих поколений исторические постройки. Позже я много раз посещал это место, имея в запасе определённые знания об истории монастыря и её основательнице Анне Васильевне Петуховой. Мне удалось разыскать в Российском Государственном историческом архиве г. Петербурга (тогда Ленинграда) письма игуменьи и страховые оценки. Эти находки попали в Сеть и послужили основой для работы ряда исследователей истории монастыря. Мною были записаны воспоминания ныне ушедших свидетелей, найдены старые газеты с публикациями, содержащими важные сведения о жизни монастыря.

Постепенно, за годы поисковой работы, словно из кусочков разноцветной мозаики, сложилась история монастыря и раскрыт трагический конец обители и её основательницы. Однако, несмотря на огромную работу, многие вопросы остаются для меня без ответа. Монастырь не спешит открыть свои тайны. За давностью лет очень сложно воссоздать полную картину событий весны 1921 года. Много загадок и нестыковок в рассказах, передаваемых из поколения в поколение. Есть даже версия, повествующая о выжившей после ареста игуменье – она, безусловно, мифическая, но она существует.

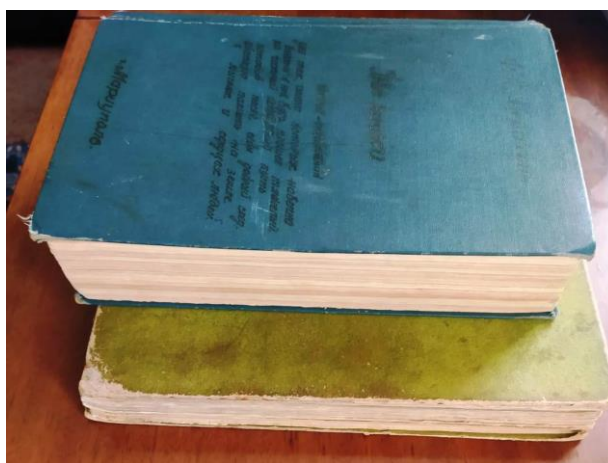
В начале века историей монастыря заинтересовался Сергей Федорович Шатилов (Петропавловск), нашедший в архивах ряд документов. Курганский писатель Александр Иванович Дедов в 2011 году написал небольшую художественную повесть «В тени монастырских стен», где изложил одну из версий казни монахинь. Прodelал большую работу в поисках документального материала курганский краевед Владимир Григорьевич Вахтин. Я постараюсь познакомить читателей с историей монастыря. Все цитаты, взятые в кавычки, а также прямая речь автора, в которой приводится содержание документа, подтверждены ссылками на источники – воспоминания, дореволюционные издания и архивы. В журнальном варианте знакомить с ними читателя нет необходимости.

Для меня документальная история монастыря началась с того, что в середине 80-годов прошлого века ко мне попала объемная машинописная рукопись Федора Николаевича Церахто. Автор в художественной форме описал на её страницах историю своей семьи, переехавшей в 1910 году в Акмолинскую область из Приазовья. Есть в этом труде место и монастырю, и его основательнице. Федор Николаевич пишет исключительно с классовых позиций и даже в 1967 году не скрывает неприязнь к монахиням, несмотря на то, что мать его и брат Илья были глубоко верующими людьми. Во многом негативное отношение местных жителей к монастырю сформировалось после прочтения воспоминаний Церахто, которые были подарены с дарственной надписью жителям Макарьевки, Песчанки и Пресноредути.

Такой я впервые увидел школу летом 1974 года (фотоаппарат ФЭД).

Эти воспоминания послужили отправной точкой в моём исследовании истории создания и деятельности женской общины и первоначально, «благодаря» Церахто, я получил больше вопросов, чем ответов. Мне пришлось отыскать множество аргументов и создать доказательную базу, опровергающую бытующее среди обывателей мнение о деятельности монахинь. Зачем нужно было писать текст, явно порочащий монастырь и его основателей? Ответ видится мне в том, что нужно было как-то оправдать преступление полувековой давности. Был выбран путь клеветы, тем более, что на неё в 60-70 годы некому было отвечать. Свидетелей осталось мало, а те, кто остался не могли спорить, не подвергнув себя обвинению в нелояльности власти.

Мемуары Федора Николаевича Церахто

Церахто писал: «В середине семидесятых годов прошлого столетия житель станицы Пресногорьковской старый казачий полковник Павел Казин, умирая, завещал своим сыновьям Михаилу и Николаю все свое имение, состоящее из огромного двухэтажного здания в центре станицы с большим магазином в нижнем этаже, и участка земли в 1500 десятин, который находился в 35 верстах от станицы. Михаил был на службе в Омске, а Николай жил дома при отце, помогая ему в коммерческих делах. Старик-полковник свой наличный капитал в банке разделил между сыновьями поровну. Дом и торговлю завещал младшему Николаю, а старшему Михаилу участок добрейшей плодородной земли с хорошими строевыми лесами. Холостой двадцатилетний Николай, оказавшись владельцем огромного состояния, повел жизнь роскошную, распутную, быстро проматывая доставшееся от отца добро. Михаил был женат на красивой девушке, дочери богатого казака из станицы Камышловской, что в 12 верстах от Пресногорьковской. Михаил жил с женой в Омске и вел буйную жизнь в пьянстве, разврате и карточной игре. Красавица жена не отставала от мужа и любовников меняла, как цыган лошадей на ярмарке.

Три березки в монастырском лесу. Рисунок Ф.Н.Церахто

Земельный участок был сдан в аренду. Прошло много лет, отцовские деньги в банке были давно пропиты и проиграны в карты. Жалованья и арендной платы уже не хватало для кутежей, появились долги. И вот кутила, сорокалетний полковник тайно от жены заложил участок и отдал долги, но пожить ему пришлось недолго. Жена отравила его и похоронила, распространив версию, что он сгорел от водки. После его смерти Екатерина, зная, что она является единственной наследницей (детей у них не было), решила участок в 1500 десятин продать и начать новую жизнь. Выяснилось, что участок заложен на крупную сумму и продать его нельзя. Ошеломленная вдова чуть не лишилась рассудка. От сильного потрясения она слегла в постель и почему-то потеряла слух. Вскоре она выздоровела, но в 35 лет, в самом расцвете сил, она осталась глухой на всю жизнь. Выкупить землю она не имела сил и средств, жизнь куртизанки ей тоже не улыбнулась.

Нужно было искать выход, и она его нашла. Ей помогло духовенство и старые приятели, которые ей посоветовали основать на участке женский монастырь. Только так можно было, сохранив землю за монастырем, выплатить долговую сумму из будущих монастырских доходов. Молодая вдова поспешила этим советом воспользоваться. Собрала с десятков женщин, подобных себе и выехала в свои владения.

С помощью отца и его связей, а также с помощью Николая Казина и его друзей, были построены несколько землянок и деревянная церковь. Потом здесь вырос большой монастырь. Когда были построены кельи для новоиспеченных монахинь и закончена постройка церкви, приехало высшее духовенство. Состоялся большой торжественный молебен, были освящены церкви и кельи, а вдова Казина отказалась от широкой жизни и имения и тут же во время церемонии исповедовалась, причастилась и постриглась в первую монахиню нового монастыря, приняв духовное имя Евпраксия. Все ее спутницы тоже постриглись, приняв духовные имена Серафима, Аркадия, Нина, Ефимия, Епифания. Мать Евпраксия была введена в высший сан игуменьи нового Архистратиго-Михайловского женского монастыря...»[1, 237].

В приведённом отрывке обнаружилось множество несоответствий. В нём перепутаны все имена, фамилии и время действия. Церахто называет Анну Екатериной, её тестя Прохора – Павлом, а есаула Алексея Казина – Михаилом. Можно ли эти ошибки списать на слабую память, позволившую, однако, сочинить огромный фолиант, и не один?

Так или иначе, но именно этот отрывок ввёл меня в заблуждение и дальнейшими находками пришлось опровергать его снова и снова.

Дом Прохора Казина (или Павла Казина?). Пресногорьковка.
Фото Ф.Н.Церахто. 1975 год.

Основная загадка заключается в упоминаемом двухэтажном доме в центре станицы, сгоревшем в 2006 году, и его владельцах. Дело в том, что по Церахто этот дом принадлежал Павлу Казину, а в воспоминаниях проживающего в то же самое время в Пресногорьковке Сергея Преображенского, сына расстрелянного священника, владельцем дома был Павел Кизин, у которого тоже двое сыновей, и один из них алкоголик, а другой – офицер, служащий в Омске. Изучение метрических книг храма во имя Богородице Казанской Божьей Матери станицы Пресногорьковской с целью определения года и места рождения Анны Васильевны Петуховой оказалось безрезультатным – ни богатые, ни бедные Петуховы никогда в казачьем поселке Камышловском не проживали.

С.В.Преображенский пишет в 1973 году: «Пьяниц в станице почти не было, кроме М.П.Казина. О нём стоит рассказать особо. Человек он был с образованием, был он наш сосед через улицу наискосок. Кизиных было два брата – Михаил Павлович и Евгений Павлович. Михаил Павлович был первоклассным столяром, жил с матерью-старушкой в трехкомнатном флигеле на территории двора двухэтажного дома, сдаваемого ими со всеми надворными постройками и складами в аренду Переселенческому управлению. Его брат Евгений Павлович – полковник, жил с семьей в Омске,

служил преподавателем в кадетском корпусе. Изредка он приезжал летом в станицу в отпуск и для устройства домашних дел. Много лет братья не могли поделить дом. Если Евгений Павлович предлагал Михаилу Павловичу взять верх дома, тот говорил, что не возражает взять верх, но он его продаст на слом. Если ему предлагали взять нижний этаж, он говорил, что не возражает взять и низ, но он в него пустит кабака. Ну, а при таком соседстве – в одном доме с кабаком, вряд ли бы нашлись охотники его арендовать. Михаил Павлович, идя в кабака за шкаликом обычно сам себе говорил, что «он не пьяница, что кабака ему хоть бы хны, и что он пройдет мимо него и не заглянет». Но с приближением к нему у Михаила Павловича подкашивались ноги, он, держа себя за большую бороду, кося глазами на дверь кабака и с трудом делая один-два шага вперед останавливался и, хваля себя за мужество, восклицал «Ну вот видишь, боялся, а прошел, а теперь зайти и за это выпей». И так он, восхваляя и вознаграждая себя за проявленное мужество, ежедневно совершал туда путь и возвращался с песней»[2].

Ранее я считал, что Анна была уроженкой казачьего поселка Камышловского и молодые после свадьбы поселились в Пресногорьковской в большом двухэтажном доме старого полковника Казина с лавкой в цокольном этаже. Но анализ и сопоставление источников поставили передо мною большой вопрос, ответ на который у меня появился после прочтения записи в ведомости Михайло-Архангельской церкви станицы Пресновской за 1875 год об отце Анны Васильевны.

Основательница монастыря, в миру – Анна Васильевна Петухова, родилась в 1856 году в Атбасаре, в семье священника Василия Михайловича Петухова и Ольги Ивановны.

С 1869 года отец Василий служил в станице Пресновской. В 1875 году ему и жене Ольге исполнилось 44 года. Кроме Анны у них была тринадцатилетняя дочь Ефимья. Батюшку уважали, он был награжден бронзовым крестом на Владимирской ленте в память войны 1853 и 1856 годов.

Не позднее 1878 года Анна вышла замуж за есаула Алексея Прохоровича Казина. Есаул был активным участником среднеазиатских походов Туркестанской армии и написал воспоминания по просьбе историка Георгия Ефремовича Катанаева. Рукопись Казина хранится в архиве Омской области под названием «Воспоминания старого есаула Сибирского казачьего полка, а также некоторые эпизоды его Кокандского похода. 1886 год»[6, д.405]. Я прочёл её, надеясь найти сведения о самом Казине и его личной жизни, но рукопись содержит интересные сведения о Кокандском походе и взаимоотношениях между командиром 1-го полка Семеном Елгаштиным и Михаилом Скобелевым во время боевых действий, а вот о личной жизни в ней нет ни слова. Судя по характеристикам, выданным сослуживцам и описанию боёв Алексей Прохорович был человеком прямым и бескомпромиссным. В воспоминаниях он, что называется, «режет правду в

глаза», не щадя авторитетов. Понятно, почему историограф войска Г.Е.Катанаев не спешил опубликовать рукопись Казина.

Стоит сказать о предках Казина. В 1781 году в редуте Пресногорьковском (ныне село Пресноредуть) проживала вдова драгуна Дарья Моисеевна Казина, 49 лет. Она воспитывала данных на пропитание детей Тихона, Ивана, Исаака, Семена, и собственных детей Лисаву и Степана. В 1800 году Тихон Казин с женой Татьяной Ивановной [3] проживал во вновь образованном редуте Преснокамышловском[4]. Известный казахский писатель Сабит Муканович Муканов пишет о некоем Карасе (Тарасе) Казине, проживавшем в середине XIX века в крепости Кабаньей, что в 18 верстах от монастыря. Его далекий предок был кази (духовным лицом) у хана Кучума и попал в плен к Ермаку, принял христианство. «Казины накапливали богатство и даже бывали атаманами. В Отечественную войну 1812 года Кирилл Казин геройски сражался с французами, заслужил внимания царя Александра Первого и считался настолько надежным человеком, что ему доверяли охрану дворца. Карас Казин был прямым потомком Кирилла. Он служил сотником в воинской части, квартировавшей в Пресногорьковской, рано расстался с погонами, поехал в Кабановскую станицу и женился там на дочке богатого станичника татарских кровей Коянова – Глафире»[5]. Какое отношение имеет названный Карас к Прохору Казину – неизвестно, но то, что по всей линии фамилия очень редкая – факт.

Из послужного списка известно, что родился Алексей в 1841 году в семье сотника Прохора Казина (умер в 1840 – 47?) в Акмолинской области, воспитывался в Сибирском кадетском корпусе, где учился вместе с земляком Павлом Кубриным, отцом будущего генерала Николая Павловича Кубрина. Мать – Надежда Степановна. Алексей Казин был женат на дочери священника Петуховой Анне Васильевне. Детей они не имели. Из-за развития тяжелой болезни его отчислили из строевого состава войска 1 октября 1879 г. Вновь Есаул Казин А.П. был зачислен в строевой состав 26 августа 1882 г. в Сибирский Казачий №1-го Ермака Тимофеева полк и назначен командиром 3-й сотни, которая формировалась в Пресногорьковской станице. Казин имел четыре ордена за службу в Средней Азии [6].

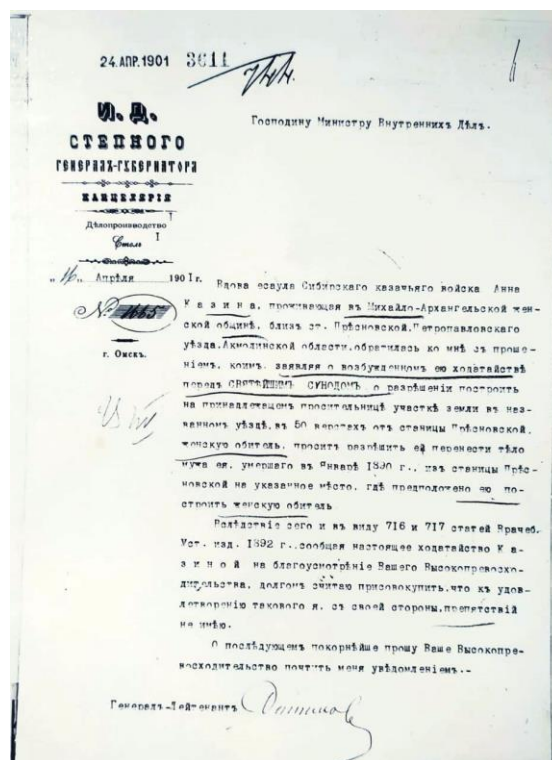
Анна стала офицерской после учебы в институте. Предположительно, закончила женскую учительскую семинарию в Омске и вышла замуж за человека, значительно старше её не позже 1878 года[7]. В станицах дворянкам и дочерям священников сложно было найти подходящую партию – равные по положению в обществе офицеры служили далеко на юге, воюя со среднеазиатскими ханствами. Если улыбалось счастье встретить суженую на побывке, со свадьбой не тянули, женились, и вновь отправлялись в Ташкент или Фергану. Так случилось и с Казиным, его помолвка состоялась, когда ему было далеко за тридцать.

Здоровье было подорвано скитанием по гарнизонам, и Алексей Прохорович был оставлен на линии командиром сотни в станице

Пресногорьковской. После отставки, подписанной 10 июня 1885 года, молодые стали жить в станице Пресновской. На деньги, получаемые за аренду полученного за службу земельного участка в 1207 десятин, расположенного рядом с родовым казачьим поселком Пресноредутским, в Пресновской Казин строил большой дом и писал для историка Катанаева воспоминания.

Алексей Прохорович скончался в возрасте 49-ти лет от тяжелой и продолжительной болезни – туберкулеза 10 января 1890 г. Перед смертью его исповедовал и приобщал священник Павел Парышев. Отец Анны священник Василий Михайлович Петухов с псаломщиком Петром Робустовым совершили погребение 13 января на кладбище Михаило-Архангельской церкви станицы Пресновской.

В 1901 году прах есаула был перенесен по разрешению департамента полиции для перезахоронения на территорию женского (Казинского) монастыря[8, л.4] По моему предположению, похоронен Казин на погосте у Троицкой церкви, у восточной стены. Сегодня от величественного храма остался лишь фундамент, заросший высокой травой, могила старого есаула сгинула навсегда. По воспоминаниям жителя Макарьевки Николая Дмитриевича Виниченко в послевоенные годы у стен бывшей церкви ещё сохранились кресты.

Разрешение полиции на перезахоронение тела А.П.Казина.
Архив автора

Анна выдержала страшный удар судьбы. Воспитанная в глубоко религиозной семье, она приняла свой крест. Но горе отразилось на здоровье – у неё развился неврит слухового нерва, сделавший глухой на всю жизнь. Она приняла непонятное для многих решение – основать на доставшемся в наследство от есаула Казина земельном участке женский монастырь. Земля здесь была удобна для хлебопашества и сенокосения, на участке рос березовый лес, в долине – пресноводное, богатое рыбой озеро. О своем решении Анна Васильевна сообщила благочинному 1-го Петропавловского округа, священнику церкви в станице Пресновской, о. Никанору Николаевичу Попову (ок.1863-позже 1910). Благочинный, понимая, какие заботы ложатся на плечи хрупкой женщины, предупредил ее о предстоящих трудностях, о заботах и хлопотах по устройству и существованию общины, на людскую неблагодарность и возможную клевету. На это Анна Казина ответила: «Личное мое счастье Господь отобрал, хочу послужить Богу и родному народу. Благословите и помолитесь за меня, грешную». Священник благословил Анну Васильевну и сказал, что он как благочинный будет помогать ей в этом Божьем деле, но в случае неудачи и неприятностей, она должна помнить о его предупреждении. Свидетелем этого разговора был псаломщик и писарь при о. Никаноре будущий протоиерей Георгий Яковлев, написавший свои воспоминания, находясь в эмиграции в Харбине в 1932 году[9].

Окончательно приняв решение, 9 января 1896 года Анна Васильевна Казина написала епископу Омскому и Семипалатинскому:

«По милости Божией я имею в беспорном владении землю в количестве 1198 десятин и 558 сажений. Мне желательно посвятить эту всю землю в дар Богу с тем, чтобы на ней воздвигнута была женская обитель в честь Св.Арх.Михаила и прочих Бесплотных Сил, и чтобы в сей обители совершалось поминовение моих родителей. Посему покорнейше прошу Ваше Преосвященство принять от меня всю означенную землю ... Из этой земли 309 сажений и 1440 сажений ныне стоят свободными, а 888 десятин 1545 сажений отданы от казны в аренду, срок которой скоро кончается». В перечне фамилий, перечисленных в помяннике Анны: протоиерей Иоанн, иереи Михаил, Василий и Иоанн, диакон Александр, миряне: Алексей, Прохор, Надежда, Николай, Вячеслав, Петр, Ольга и еще 26 человек. После смерти настоятельницы должна была поминаться и она. Условие было таким, что в обители для Анны должно было быть выделено помещение для проживания до самой её смерти[10]. К этому времени родители Анны о.Василий и Ольга закончили свой земной путь. Из представленного Анной Васильевной списка видно, что несколько её близких родственников принадлежали к духовному сословию. В метрических книгах Богородице-Казанской церкви станицы Пресногорьковской я обнаружил подписи о.Иоанна Михайловича Петухова, сделанные в 40-е годы XIX века.

О.Алексей Поникаровский писал: «Ещё до конца 1895 года сюда стали собираться вдовицы и возлюбившие целомудрие девы. Зимой в землянках,

терпя всякие лишения, стали трудиться с Анной Васильевной казачья вдова Мария Никифоровна Лепехина, Мария Лашманова и девица Феврония Столбовская и Евфимия Быкова. В 1897 году у них был небольшой молитвенный дом с алтарем. Служили в нем сами сестры: вечерню, утреню, часы и читали псалтирь по усопшим. Переносной святой антиминос сюда был дан 26 февраля 1900 года. Почтенный старец заштатный священник Николай Федорович Попов служил здесь первым и оставил добрую память о себе. С 7 октября 1901 года в общину был определен о.Александр Михайлович Соколов. Он научил сестер, несущих клиросное послушание церковному уставу, который сам точно выполнял, не позволял за чтением и пением торопиться, или пропускать что-нибудь. Его уважали и окрестные жители любили за простоту, приветливость и дружелюбие. В Великий пост у него был полон дом гостей, знакомых и незнакомых, которых он поил и кормил. Часто бывали у него убогие и калеки. «Доброта сердца заставила его принять казахского мальчика-сироту, которого он крестил, дал ему свою фамилию и женил, помог приобрести свой дом – поставил человека на ноги»[11].

На строительство землянок были использованы средства от продажи нового Казинского дома в семь комнат в станице Пресновской. В создании общины огромную роль сыграли соратницы Анны Васильевны – дворянка, дочь офицера поселка Сибирского Наталья Прокофьевна Панкова и вдова вахмистра поселка Усердненского Пресногорьковской станицы сестра Лепехина. По словам очевидца событий протоиерея Григория Яковлева: « Эти три женщины, две дворянки и казачка, соединясь во имя Божьей любви к людям, стали трудиться над устройством жизни и счастья других людей. На маленький, светящийся в степи маячок стали стекаться судьбой обиженные, униженные, осиротелые и обойденные судьбой русские женщины и жизнь во вновь возникшей тихой пристани началась по уставу православных русских женских общин» [9].

Кем же были женщины, оставившие светскую жизнь и оказавшиеся в березовой роще, в землянках, без света и элементарных удобств, в условиях полного бездорожья, удаленности поселков, в лютой сибирской стуже, в океане снега, заваливавшего березы по самые кроны, коротавшие нескончаемые зимние ночи под вой волков? Понять их поступок современному человеку, круглые сутки живущему с телефоном в руке, непросто.

Дворянка из казачьего поселка Сибирский Пресногорьковской станицы Наталья Прокофьевна Панкова, достигнув 50-летнего возраста, решила посвятить свою жизнь Богу. Вдова вахмистра поселка Усердненского 26-ти летняя Мария Никифоровна Лепехина, оставшись бездетной, не пожелала выходить замуж, несмотря на то, что ее, молодую красивую и хозяйственную казачку сватали многие достойные женихи. На предложения о замужестве она отвечала, что дала слово умирающему мужу Якову Семеновичу и не будет женой другому.

ОМК 4117/30

Фото Г.Е.Катанаева. 1896 год

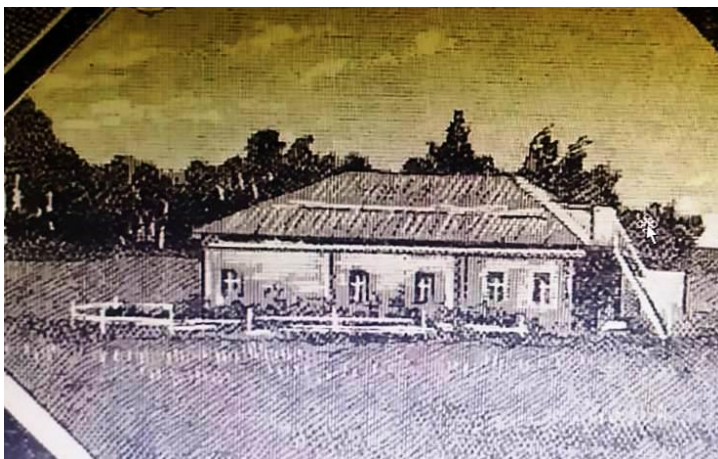
В августе 1898 года в станице Пресновской умер казак Тарас Михеевич Бекетов. Жена его в этот момент находилась на пашне – убирала хлеб. Вечером она вернулась домой и узнав о смерти мужа скоропостижно скончалась от постигнувшего горя. Остались круглыми сиротами девочки трех и десяти лет, старшую взяли в няньки чужие люди, а младшая была никому не нужна. Приехавшая в Пресновку Анна Васильевна взяла маленькую сироту на воспитание. Так в общине стали появляться круглые сироты. В декабре приехавший в общину благочинный был немало удивлен – ему представили одиннадцать девочек в возрасте от года до десяти лет. На вопрос благочинного «когда ты их, мать, набрала, чем и как будешь воспитывать», последовал ответ «это все сиротки из поселков и деревень. Господь не оставит их своей милостью и помощью» (протоиерей Яковлев).

Часовня и фундамент церкви во имя Св.Троицы. Фото 1899 года.
К.Скальский

Летом 1898 года из своего леса была выстроена крытая тёсом часовня, вмещавшая до тридцати человек, и три деревянных жилых дома. Часовня была высотой 4.5 аршина, шириной в шесть аршин, длиной –16, с 7-ю окнами с двойными рамами, с двумя одностворчатыми дверьми[12]. Фотографий часовни известно три. Насельницы распахали и посадили шесть десятин пшеницы, развели большой овощной огород, заготовили сено и дрова на зиму.

В роще по дороге на поселок Пресногорьковский были поставлены ульи и посажен фруктовый сад. Многие прихожане недоверчиво относились к таким экспериментам в условиях сурового сибирского климата, но впоследствии оказалось, что и мед и фрукты вполне возможно получать и в наших местах.

Дом для певчих и сестер.1903 год

Из окрестных казачьих станиц и переселенческих поселков стали поступать пожертвования. После того, как община приютила девочек-сирот, жители Петропавловского, Кокчетавского, Атбасарского, Троицкого уездов, городов Кургана, Шадринска, Челябинска, Омска, Екатеринбурга, Тюмени и даже великий молитвенник земли Русской о. Иоанн Кронштадский стали посылать денежную помощь, книги и одежду[13].

Необходимо было думать о строительстве храма на территории общины и первые шаги в этом направлении были сделаны.

24 апреля 1897 года в консистории был рассмотрен план постройки деревянной церкви на каменном фундаменте во имя Святой Троицы, представленный благочинным священником Никанором Поповым. План вернули «для улучшения», так как средств на строительство у Анны Васильевны не было[14]. В июне 1899 года был создан и утвержден строительный комитет и заключен контракт на строительство церкви с крестьянином села Шадринского Ялutorовского уезда Иваном Степановым[15]. Начало строительству было положено.

Церковь во имя Св. Троицы и часовня (справа).1903 год

Описание храма во имя Св.Троицы в 1908 году.

«Достаточно вместительный и внутри благолепный. Начат строением в 1899, кончен в 1903 году и освящен 8 ноября. В храме чтимая икона местная в иконостасе – Иверской Божией Матери с частицею мощей Св.Великомученика Пантелеймона. Пред нею горит непрестанно лампада, день и ночь. За левым клиросом на кипарисной доске икона Сошествия святого духа на Апостолов с частию древа Креста Господня, мощей Св.Апостола Андрея Первозванного, великомученицы Варвары и Св.Парфения, еп.Лампсакийского (7 февраля) ценю в 500 рублей – дар супруги Федора и Екатерины Долгинцевых. От Ивана Федоровича Терещенко получено паникадило в два яруса, 21 место, с хрустальными розетками в 300 рублей. Храм был освящен летом 1902 года». Этот храм столь известен, что стоит дать ему более подробное описание. «Троицкая церковь деревянная, на каменном фундаменте. Снаружи обшита тёсом и покрашена масляной краской, внутри оштукатурена, покрыта железом, покрашенным зеленою масляной краской. Длина церкви, считая колокольню, 11 сажень (22м), наибольшая ширина 3 сажени 2 аршина, высота до верха карниза 9 аршин, на церкви имеется две главы и одна над алтарем, больших окон 17, малых окон-6. Дверей наружных створчатых, обшитых железом 4(внутренних 7, иконостас длиною 10 аршин, высоту 9 аршин (оценен в 2000 рублей). Церковь отапливается 4-мя круглыми железными печами и одной простой. Колокольня в два яруса общей высотой о верха карниза 6 сажень (12м). Ближайшая к церкви постройка – дом священника с восточной стороны в 33 сажень (66 м). Страховая оценка с иконостасом и колокольней – 10000 рублей [16].

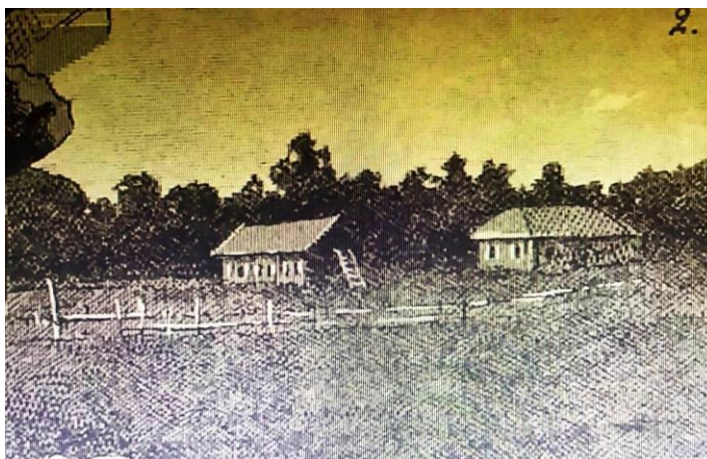
9 мая 1901 года по ходатайству перед Синодом Преподобного Сергия на участке Казиной было учреждено открыть женскую общину. В память этого события ежегодно 9 мая совершался крестный ход, а 20 июля ходили со святыми иконами на колодезь (Голошубин И. Омская епархия,- Омск, 1914 год). Вода в монастыре была плохой, «ту воду, которые пьют сестры, никто не станет пить без отвращения: солёная на вкус, она имеет крайне неприятный запах. Чая и сахара сестры не получают. Рыбы не едят даже в Светлое Христово Воскресение. Обычную пищу на обед составляют «пустые» щи и картофель, или просыанная каша. На ужин – оставшееся от обеда»[17].

Седьмого ноября 1901 года Святейший Правительственный Синод утвердил «представление Преподобного Омского Сергия об учреждении женской общины с именованием ее Архистратиго-Михайловскою... На участке проживают до 50 насельниц, занимающихся земледелием и ремеслами, для совершения богослужения имеется небольшой молитвенный дом и сооружается новый храм, есть школьное здание и дом для священника».

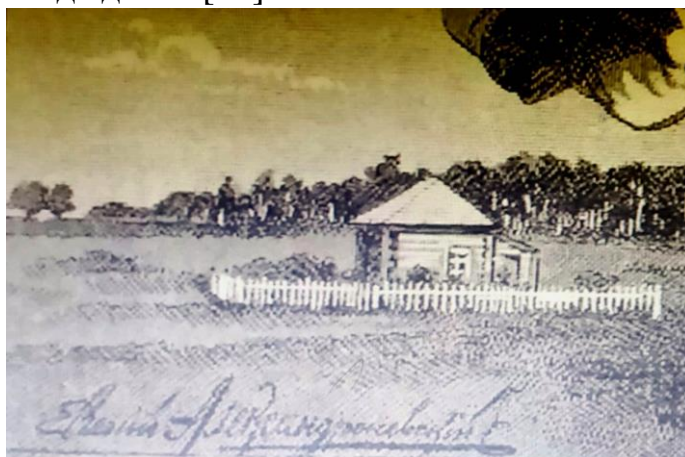
Игуменья Евпраксия с сестрами. Фото Г.Е.Катанаева.1896 год

В 1903 году Анна Васильевна Казина, с целью изучения монастырского быта и службы, посетила Саров и Дивеевский женский монастырь. Она совершила паломническую поездку в Палестину, в которой её сопровождала Клавдия Веневцева. В это время в общину пригласили из Челябинска монахиню Иннокентию для устройства нового порядка в обители. Назначили ее 5 сентября 1903 года, а уже 17 января 1904 года уволили «за неумение руководить внутренней жизнью в общине». При ней произошло разделение сестер на два лагеря, а это было недопустимо.

Просфорня и школа.1903 год.

С управлением общиной хорошо справлялась Варвара Алексеевна Кокина (монахиня Аполлиария), одна из самых строгих монахинь, изнуряющая себя непосильным постом и молитвами. Она говорила о.Алексею Поникаровскому «В Рождество Пресвятой Богородицы у нас вот уже четвертое имеет совершиться торжество. Ныне после богослужений будет предложена всем посетителям трапеза, где и объявив всему православному миру, что наша община – теперь уже не община, а по милости Божией, общежительный третьеклассный монастырь. В этот же день Пресвятой Владычицы у нас закладка храма в 1899 году. В 1903 году – возношение крестов, а еще через год подняли на колокольню наш большой благозвучный колокол. Таким образом, 8 –е сентября для нас достопамятный навсегда день» [18].

Келия А.В.Казиной.1903 год

Теперь пришло время дать слово самой Анне Васильевне Казиной. Посмотрим на происходящее её глазами, благо есть источник, исполненный её собственной рукой в популярном петербургском журнале:

«После смерти мужа, есаула Сибирского казачьего войска Алексея Прохорова Казина, высочайше дарованный ему в вечное потомственное владение земельный участок по духовному завещания поступал в вечное и

потомственное владение мне. В виду малоценности аренды на земельные участки в Сибири, особенно вдали от железной дороги, у меня возникла мысль пожертвовать его на благоугодное дело, так как самой вести на нем хозяйство не было охоты. С этой целью я совершила путешествие по монастырям, побывала у Симеона Праведного, для поклонения мощам праведного угодника Божия, в Тобольском Ивановском монастыре, и в Троицком, Челябинского уезда Оренбургской губернии, где познакомилась с житем инокинь и монастырским уставом.

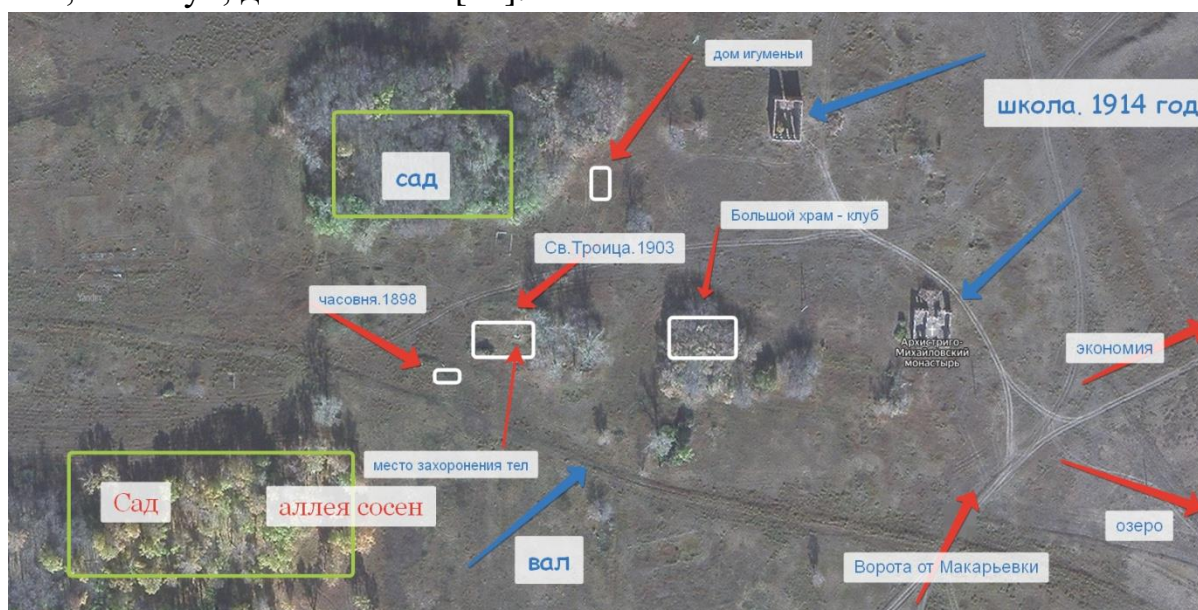
Мысль, зародившаяся у меня, укрепилась и приняла определенную форму, и я решилась в знак благодарности за Высочайший дар основать на упомянутом участке женскую общину, с тем, чтобы впоследствии с помощью Божией преобразовать ее в монастырь с определенным монастырским уставом. Решившись на основание общины, я обратилась к преосвященнейшему епископу Омскому и Семипалатинскому Григорию (Полетаеву – прим.С.В.) с просьбой – благословить устроить на моем участке обитель, на что 19 января 1896 года последовало согласие его преосвященства.

Получив разрешение, с помощью Господа Бога, я собственными средствами и на средства добродетельных жертвователей построила сначала землянки, в которых мало-помалу стали поступать сестры, а когда их собралось порядочное количество, выстроила из березового леса молитвенный дом, в который неоднократно в дни Великого поста приезжал совершать богослужение местный приходской священник из ст.Пресногорьковской, находящейся в 33 верстах от обители. С увеличением средств были воздвигнуты деревянные постройки – келии для сестер обители. Когда стали строить церкви вдоль линии сибирской железной дороги, у общины не было достаточно средств, но со временем община желала прийти на помощь правительству в деле распространения православия и распространения церквей в Сибири и выстроить у себя в обители церковь во имя Св.Троицы, окончательно построенную в 1901 году. Богослужения в ней совершаются с 1901 года на походном престоле назначенным в общину отцом Александром Соколовым при пении хора певчих сестер обители. При обители имеется школа грамотности на 12 учениц, с учительницей из сестер общины, в настоящее время вчерне построена больница и запасено часть материала для полукаменного здания для трапезной и келий сестёр, пекарни, поварни и склада провизии. Собственные средства общины – труды сестер, они сами пахут землю, сеют и убирают хлеб, запасают на зиму корм, занимаются ремеслами: ткут ковры, вяжут скатерти и салфетки, часть, с благословения епархиального начальства, ездит по сбору пожертвований в пределах епархии, а часть исполняет службы при церкви. Неурожаи хлеба в последние годы немного помешали постройке церкви, в ней пока не установлен постоянный иконостас»[20]. 23 мая 1903 года настоятельница Градо-Троицкого Казанского монастыря игуменья Феофания по указу Омской Духовной Консистории облачила в монашеское одеяние: Наталию

Панкову, Ксению Климову и Хионию Матвееву, а 20 июня Варвару Кокину, Ирину Распопину и Веру Гребенщикову.

Приехавший на торжество Преосвященный Омский Гавриил 15 мая 1906 года постриг в монашество Анну Васильевну, с наречением имени Евпраксии. В 1903 году при обители существовала школа грамоты на 12 учениц, в которой учительствовала сестра Анастасия Михина, в 1905 году в школе преподавала Параскева Забалуева.

В 1914 году омский епархиальный наблюдатель писал о преподавании: «учительница Михайло-Архангельской школы послушница Матрона Алимова с образованием хотя только двухклассной школы, но поставила учебное дело в школе вполне удовлетворительно, а воспитательную сторону школьной жизни – очень хорошо; религиозная настроенность, благоговейное отношение к молитве, к священным книгам, образцовая дисциплина, чистота школьного помещения и опрятность учащихся производят отрадное и приятное впечатление. В этой школе обучается одна слепая девица по специальной для слепых азбуке и достигает удовлетворительных успехов. Михайло-Архангельская школа особого здания не имела, но монастырем отведена одна комната, светлая и теплая, но малая, хотя по количеству учащихся, пожалуй, достаточная»[21].

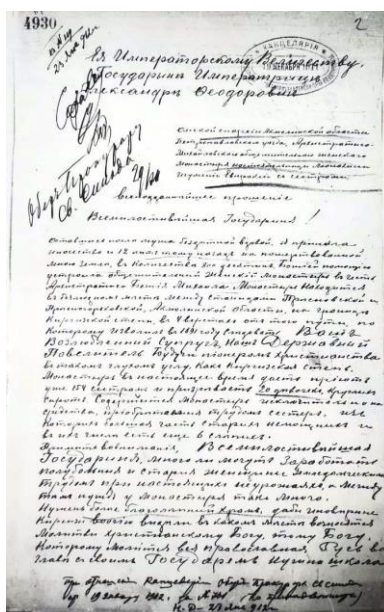

Расположение некоторых зданий монастыря на карте Гугл.
Реконструкция Виниченко С.

В 1907 году казначеей общины служила Апполиария, благочинной была Виталия, обязанности церковной старосты выполняла Ангелина, в качестве экономки работала Ирина Распопина. 11 января 1909 года Евпраксия была возведена в сан игуменьи монастыря. Ближайшие ее сподвижницы также приняли духовные имена – Евстолия, Елифания,

Серафима, Аркадия, Нина, Ефимия, Еликонида, Евлампия, Анна. 19 января 1908 года община была переименована в общежительный монастырь. В нем имелись жилые помещения: дома священника (четырёхкомнатные), дом начальницы, здание школы, больница, двухэтажный каменный дом для приезжих, 15 зданий для сестер, мельница, деревянная церковь. Скот: 20 лошадей, четыре пары волов, 17 коров, 60 овец, 22 теленка. Сельхозорудия: жнея, сеновязанка, плуг, молотилка.

Количество сестер-послушниц неуклонно увеличивалось. В 1905 году в нем было 85 сестер-послушниц, в 1906 - 112, в 1907 – 122 девушки. В 1908 году на участке проживали 6 монахинь и 119 сестер-послушниц.

Письмо игуменьи императрице с её визой. Архив автора

Назрела необходимость построить новый вместительный храм. 19 декабря 1911 года игуменья Евпраксия обращается с письмом к императрице Александре Федоровне: «Будучи пионером христианства, в таком глухом углу, как Киргизская степь, монастырь дает приют уже 154 сестрам и призревает 20 девочек, круглых сирот. Содержится монастырь исключительно на средства, приобретенные трудом сестер из которых большая часть старух немощных, и в их числе 6 слепых...». Настоятельница заботится о школе, «этом рассаднике знания в духе православия, самодержавия и народности», поэтому просит императрицу выделить средства на строительство «благотепного» храма и школы[22]. Храм к 1917 году был почти готов и пригодился новой власти, устроившей в нём клуб.

19 сентября 1913 года епархиальный наблюдатель В.Виноградов, сопровождавший епископа Омского и Павлодарского Андроника в поездке по Петропавловскому уезду, сделал в отчёте запись о посещении монастыря

высшим духовенством. Привожу его запись полностью с сохранением орфографии документа:

« 6 ч. вечера Казинскій женскій монастырь.

Его Преосвященство у воротъ обители встрѣтили всѣ насельницы монастыря во главѣ съ игуменіей Евпраксіей „со кресты и иконы". Какъ только Владыка вышелъ изъ экипажа, матушка игуменія, а вслѣдъ за нею и всѣ монашествующія земно поклонились Его Преосвященству и поднесли хлѣбъ-соль. Владыка приложился къ св. иконамъ, благословилъ и поцѣловалъ хлѣбъ и прослѣдовалъ въ монастырскій храмъ.

По пути слѣдованія Владыки по обѣ стороны стояли послушницы и пѣвчія въ присвоенныхъ имъ одеждахъ и головныхъ уборахъ и также земно кланялись Преосвященному въ отвѣтъ на благословеніе.

Подъ красный монастырскій колокольный звонъ Владыка вошелъ въ св. храмъ.

Здѣсь монастырскій священникъ о. С. Полевой встрѣтилъ Его Преосвященство въ облаченіи со св. крестомъ краткой привѣтственной рѣчью, въ которой „выразилъ отъ лица обители радость, просилъ войти и преподавать всѣмъ Архипастырское благословеніе". Во встрѣчѣ принимали участіе: благочинный священникъ о. Жемчужниковъ, о. А. Богомолъ, о. С. Патрушевъ, о. С. Елдашевъ и діаконъ: о. А. Поповъ, о. Ѳ. Рыбалкинъ, о. Ѳ. Швидкій и о. Г. Товкачевъ. Храмъ монастырскій—деревянный, небольшой, съ довольно хорошимъ и благолѣпнымъ иконостасомъ, посвященъ Архистратигу Михаилу.

Около 7 ч. вечера началось торжественное всенощное бдѣніе, которому предшествовала обычная встрѣча Владыки. Монастырскій хоръ стройно пропѣлъ тропарь храму. Владыка преподавалъ Архипастырское благословеніе и благословилъ начало бдѣнія.

Къ Архіерейскому служенію собрались и крестьяне ближайшихъ селеній, такъ что храмъ былъ полонъ народомъ. Сослужили Его Преосвященству тѣже священнослужители и о. Епархіальный Наблюдатель свящ. В. Виноградовъ. По окончаніи литургіи преподавалъ всѣмъ Архипастырское благословеніе, Владыка осматривалъ подробно всѣ службы и зданія монастыря, побывалъ во всѣхъ келліяхъ насельницъ и, раздѣливъ трапезу, отбылъ на заимку монастыря, гдѣ также знакомился съ положеніемъ дѣла. Преподавалъ благословеніе сопутствовавшей матушкѣ игуменіи, Владыка отбылъ изъ монастырскихъ владѣній.

Казинскій монастырь основанъ на средства, пожертвованныя вмѣстѣ съ большимъ количествомъ земли Казинымъ (военнымъ). По его имени монастырь получилъ свое названіе. Матушка игуменія, въ мѣрѣ г-жа Казина, по смерти мужа постриглась въ иночество и теперь всецѣло отдалась устроенію обители, вмѣсто свѣтской жизни со средствами. Намъ приходилось видѣть келлію матушки: это – самая обычная, очень скромная келлія монахини, безъ всякихъ претензій на удобства, возможные для игуменіи монастыря. Мало того, у матушки нѣтъ даже койки, она смиренно

покоится на полу»[23]. Епископ Андроник дал высокую оценку деятельности игуменьи и сестер. Сам он 20 июня 1918 года был закопан живым пермскими чекистами. Позже причислен к лику новомучеников Российских.

Стены дома священника, построенного в 1914 году

К 1915 году, благодаря помощи Синода, были построены две церкви (страховые оценки по 10000 рублей), часовня, просфорный дом, больница, хлебопекарня, дом священника, баня, трапезная, двухэтажная каменная школа. Монастырь обзавелся сельскохозяйственной экономией, расположенной у озера за версту от усадьбы, с ветряной мельницей, кузницей, большим количеством лошадей, дойных коров, быков. Была куплена паровая молотилка. Монастырь имел мельницы в Звериноголовской и Петропавловске, содержал подворье в Омске (угол Тюремной и Вдовьего переулка, заведующая монахиня Магдалина) и Кургане (по ул. Мяготина, 162). У самого дома игуменьи вырос большой сад. Собирали в нем крыжовник, клубнику, малину, яблоки. Вся огромная территория березового леса была окопана глубоким рвом (*выкопан в 1908 году наемными рабочими – прим.автора*). К центру была проведена высокая насыпь, по ней приезжали гости, шли богомольцы со всей округи.

Мужчин в монастыре было двое – священник (последовательно – Николай Федорович Попов – духовник 1-го благочинного округа 65 лет, Авенир Константинов, Александр Соколов, Сергей Яковлевич Бисеров (1870-позже 1910), Иван Симонов, Павел Дмитриевич Пархомов и дед-мельник, ловивший рыбу для общины в круглом озере. «Священнику от монастыря даётся пахотной и сенокосной земли 100 десятин. Содержание он получает 300 рублей в год, отопление и три части доходов из братской кружки... Всего дохода в течение года поступает до 300 рублей[24]. Монахини из казачьих семей несли послушание в рукодельных группах, иконописной, чеботарне, просфорне, работали доярками, птичницами, сеяли и убирали хлеб. Монастырь давал покой и приют престарелым и больным женщинам. Здесь давали возможность обездоленным отдохнуть и оправиться от пережитых невзгод. Заневестившихся девочек не

задерживались в обители – их старались выдать замуж за хороших домохозяев в хорошие семьи, в которых желали иметь их и женами и снохами, зная, что они научены всему только хорошему. Из воспитанниц монастыря получались прекрасные жены и матери.

Школа. Построена в 1914 году

В храмах монастыря шли ежедневные богослужения. Деятельность старых монахинь была строго регламентирована. Одна занимала должность казначея, другая несла ответственность за внутренний распорядок службы, третья руководила хором.

О хоре вспоминали те, кто был на службе в храме: «Это было красивое, волнующее, театральное исполнение. Церковный хор в исполнении 20 прекрасных молодых голосов под руководством дочери казака станицы Крутойарской Марии Бобровой, приводил молящихся в восхищение, вызывая слезы на глазах. Священник о. Иван Симонов имел сильный голос и, бывало, подхватит какую-нибудь ноту вместе с хором, кажется, будто церковь поднимается в воздух».

Ещё один источник сообщает о монастырском хоре. 22 июня 1908 г. было совершено освящение молитвенного дома в поселке Пресногорьковском (Редут). Накануне – в субботу прошло всенощное бдение, сопровождавшееся пением хора монахинь. «Певчие очень недурно исполнили свое дело: можно было молиться под их стройное, тихое, с чувством, пение и, как замечено было многими, действительно, многие молились Богу усердно, с умилением. <...>Сестры же нашей общины исправляли и все другие обязанности низшего клира. Паремии читала молодая монахиня превосходно: видно, что, прежде чем выступить в церкви всенародно, она много трудилась над собой.<...>

Великое спасибо монастырскому хору. Что сделали бы мы без этих помощниц? Какую составили бы мы торжественную службу?! Недаром редуцты так много ценят монахинь.

Перед обедней говорил речь монастырский священник, о. Сергей Бисеров; благодарил строителей и благотворителей всех за понесенные ими труды и за жертвы»[25].

Сохранились несколько фамилий монашек из окрестных станиц – Анфиса Лещева, Луша Подгузова, Таня Львова, Зина Дедова, Нюра Смыслова, Сима Песьяная, Нюра Косоногова, Нина Конгурцева, Марфа Смыслова, Клава Веневцева, Пелагея Маложенкова...А сколько их прошли школу монастыря! В 1911 году игуменью Евпраксию Священный Синод наградил наперсным крестом – «за подвижничество».

Как уже говорилось монастырь имел свои подворья – в Омске и Кургане. Еще не будучи игуменьей Анна Васильевна подавала прошение в Омскую духовную консисторию, в котором просила разрешение на постройку храма в станице Пресногорьковской, но 24 сентября 1896 года получила отказ. После отказа она все силы положила на развитие общины. Когда же община стала монастырем, игуменья стала добиваться постройки храма при подворье в Кургане на улице Дворянской. Городская Дума выделяет место в III квартале города, напротив Троицкого кладбища. Здесь и находился «Монашкин дом», как называли его старожилы (ул.Коли Мяготина, 162, сломан в начале XXI века). Руководила подворьем монахиня Серафима. Несколько сестёр зарабатывали на жизнь рукоделием и вели с посетителями беседы об устройстве мира. 7 сентября 1909 года игуменья отправляет в Тобольск письмо.

«Архистратиго-Михайловского общежительного монастыря игуменья Евпраксия. Нижайшее прошение. Припадая к стопам вашего преосвященства, Милостивого архипастыря и Отца, почтительнейше осмелюсь просить утвердить план на церковь в городе Кургане Тобольской епархии и благоволите разрешить производить постройку. При сём прилагаю проект плана, смету и разрешение Городской думы. Настоятельница монастыря игуменья Евпраксия. 31 августа 1909 года». Своих средств у монастыря нет – надежда на пожертвования горожан. Уже в октябре благочинный Николай Богословский пишет отказ – игуменья и сестры из «чужой» епархии и задуманное остаётся только на бумаге[26].

Омскому подворью повезло больше. На его территории, на Тюремной улице (ныне улица Пятой армии, северо-западная окраина города) стоял Георгиевский храм. Первоначально этот храм был заложен в 1905 году в Богородице-Михаило-Архангельском монастыре под Ачаиром, на месте, освященном Св.Иоанном Кронштадским, при этом пастырь сказал: «Недолго храму стоять на сём месте». Деревянная церковь была выстроена на средства купеческой вдовы Дарьи Федоровны Волковой в память сына и воинов, погибших в русско-японской войне. Храм по особому ходатайству епископа Гавриила перед Священным Синодом был

перенесен на подворье Архистратиго-Михайловского женского монастыря. Церковь разобрали и перенесли на средства чиновника А.В.Иванова. Торжественная закладка храма была совершена 19 июля 1909 года епископом Гавриилом и проповедником Иоанном Восторговым (1866-1918, расстрелян). С 1912 года в храме служил священник Капитон Чумакин. В начале 1920 года подворье монастыря было передано собесу для размещения в нем детского приемника-распределителя, но храм оставался действующим. В 1932 году церковь была закрыта, с неё сняли купола, снесли колокольню. Позже разобрали

Подворье монастыря в Кургане.
Дом стоял против магазина «Петушок» по улице Мяготина

По воспоминаниям очевидцев, в 1917 году Евпраксия была хорошо сохранившейся женщиной. На лице её почти не было морщин, еще видны были следы былой красоты. Полная, с гордой осанкой, она всегда во время богослужения проходила через всю церковь к своему месту, толпа молящихся с трепетом и поклонением расступалась, давая ей дорогу. С обеих сторон ее поддерживали две монашенки, третья несла позади черный шлейф. Около иконостаса она садилась в огромное обитое чёрным бархатом кресло. Разговаривали с ней через специальную трубку.

Игуменья с сестрами с огромной тревогой восприняли октябрьские события 1917 года. Монахини стали свидетелями жестоких боев между казаками Сибирского корпуса и красноармейцами 5-й армии осенью 1919 года в период Петропавловской операции. Игуменье Евпраксии было ясно, что близится конец делу всей ее жизни. Но, пока шла братоубийственная гражданская война, у богоборческой власти не доходили руки до расправы с монастырём. Но уже летом 1920 года в Омскую губчека поступила информация о том, что "тормозами проведения мясной заготовки является агитация духовенства Пресногорьковской волости, где находится женский монастырь» "[27].

Игуменья Евпраксия. 1917 год (из книги Ф.Н.Церахто)

В феврале 1921 года началось Западно-Сибирское восстание казаков и крестьян против советской власти. В районе станицы Пресногорьковской действовала «1-я Народная армия», численность которой достигала полутора тысяч человек. Некоторые руководители восстания называли себя именами известными местному населению по событиям гражданской войны – генералами Анненковым, Лебедевым, Церетели. По сведениям ЧК на слуху были офицер Морозов, казаки Ольгинский и Иван Дурнев. Большая часть руководителей согласно агентурным данным скрывалась в женском монастыре близ станицы Пресногорьковской под видом богомольцев[28]. Эти данные послужили основной причиной расправы с монахинями монастыря. Федор Церахто писал также о ящиках с новенькими револьверами «Смит и Вессон», привезенных в Песчанку из монастыря. Расправа с игуменьей по логике чоновцев была вполне оправдана – они являлись яркими врагами новой власти.

В марте 1921 года в монастырь вошёл отряд ЧОН. Обвинив монахинь в том, что они снабжали оружием повстанцев отряда есаула Ивана Дурнева и прятали руководителей восстания, чоновцы арестовали игуменью Евпраксию, монахиню Феофанию, несущую послушание монастырского казначея и матушку Серафиму. Их угнали в Макарьевку и расстреляли на льду озера Церковного, против огородов Макара Садового и дядьки Прасола, у северо-западного берега. Убитые пролежали под мартовским небом всю ночь, а наутро тел не оказалось. Лишь спустя год их местонахождение было обнаружено комиссией по изъятию церковной утвари – прах покоился в главном алтаре Троицкой церкви монастыря (в советское время в храме располагалась школа). По свидетельству очевидцев, на груди игуменьи лежала большая черная книга. Власти, с целью опровержения слухов о вознесении монахинь, выставили их останки

на всеобщее обозрение. Тела были похоронены у небольшой часовни кладбища поселка Песчанка. Часовня стояла в центре погоста, сейчас на этом месте небольшое возвышение. Согласно метрическим книгам монастыря здесь хоронили монашек и местных жителей. Старожилы окрестных поселков считают, что чоновцы забрали сестер из-за сокровищ игуменьи, которые, будто были спрятаны ею в монастыре. Местные хорошо знали участников расстрела. Об этом говорит такой факт – через два десятилетия, в годы войны, в Макарьевку привезли анновского крестьянина, который должен был сменить на посту председателя колхоза Ивана Руфовича Виниченко. Жители знали об участии его в расстреле и не хотели голосовать. Несмотря на это, пришлого варяга утвердили председателем. Жил один, на отшибе, ни с кем не общался.

В октябре 2010 года я провел экскурсию в монастыре и рассказал то, что знал петропавловским студентам. Их привезли на двух автобусах. Руководил студентами кандидат философских наук Сергей Федорович Шатилов. Позже он нашел местоположение храма во имя Св.Троицы, раскопав место алтаря, где когда-то был склеп для монахинь. Интересную историю ему поведал житель Макарьевки Степан Аникеевич Хамазин. Он рассказал услышанное от деда. С его слов выходило, что в северо-западной части озера Церковного, на льду, метрах в ста от берега, ближе к вечеру, расстреляли трех монахинь. Убитые пролежали ночь и следующий день, на другую ночь три жителя Макарьевки Крюк, Братчиков и неизвестный вывезли тела на трёх санях в монастырь. Позже, в коллективизацию названные жители выехали из села. Женщины были убиты выстрелами в затылок и лежали в одежде. Расстреливали их около десяти человек. Эта версия отличается от версии действий молодых монашек, следовавших за расстрельной командой, привезших тела в монастырь.

Согласно воспоминаниям монахини Зинаиды Дедовой монастырь был окружен красным отрядом в марте 1921 года. Красноармейцы считали, что монахини прячут участников мятежа. Мать-игуменья вышла к ним. Все насельницы сбежались на площадь и стали свидетелями допроса. Старший спросил – где игуменья прячет врагов революционной России. Матушка ответила, что никого в монастыре нет, и было бы опасно для монастыря кого-то прятать. Только в больнице лежат двое раненых. Монастырь долго обыскивали.. Из больничного дома вывели раненого. Он оказался сыном богатого казака и принимал участие в восстании. Парня зарубили по приказу командира тут же у стен больницы. Монашки, свидетели казни, упали на колени и стали молиться. Матушку-игуменью и сестру Феофанию увели в сторону Макарьевки. Далее приведу запись воспоминаний Зинаиды Васильевны, записанные А.И.Дедовым со слов бабушки Ирины Владимировны:

Пресногорьковские ЧОНовцы.1921 год

«Мы молились в Троицкой церкви в то время, как монастырь просто взорвался от плача. Выскочили на улицу. Господи! Упаси, Господи, увидеть то, что нам довелось! На снях лежали окровавленные тела матери игуменьи Евпраксии и Феофании. Мы пали на колени, плакали и молились. Но казак, который привез тела, сказал: «Надо сегодня же ночью похоронить... Как бы большаки не надругались над ними». Мы унесли тела в храм. Омыли и положили на плахи. Другие сестры побежали с мерками в экономию, где нужно было подобрать гробы по размеру. Гробы обили черным материалом и привезли в церковь Святой Троицы. Батюшка Александр читал молитвы, а сестры сняли доски пола в алтаре и начали рыть широкую могилу. Никто не спал в эту ночь, даже девчонки-школьницы молились в часовне. Доски пола застелили над гробами. Гвозди пробиты по старым местам и хорошо все затерли. Остаток утра и день провели в молитве. На третий день нас изгнали из монастыря» [29].

Федор Николаевич Церахто писал: «Однажды меня назначили в комиссию по изъятию золотых и серебряных вещей. Объехав в районе ряд церквей, мы добрались, наконец, до монастыря. К этому времени он был ликвидирован. Всё движимое имущество было конфисковано, в экономии организовалась небольшая сельхозартель «Труд», а на центральной усадьбе во всех корпусах был создан детдом. Монахини все разъехались, но в некоторых избушках еще жили 15 монахинь. Церкви были запечатаны, а внутри их оставались все ценности. Комиссия, открыв церкви, занялась описью вещей. В это время ко мне подошла одна монахиня. Я её хорошо знал в лицо, но не помнил фамилии..Звали её Симой, работала она в сапожной мастерской, и все её звали Симачеботарка. И вот она сообщила мне одну тайну. Когда игуменью и казначея арестовали, то их увезли в село Федоровку, в 50 верстах от

монастыря (так в источнике –С.В) и там расстреляли. Трупы всю ночь оставались лежать под открытым небом. А наутро их не оказалось. Принятые меры по розыску ничего не дали. Такое внезапное исчезновение было кому-то на руку. Стали сочинять и распространять всякие нелепые басни. Говорили, что тела «святых» монахинь обязательно появятся через несколько лет, как святые мощи «великомучениц». Слухов ходило множество. Прошло с того времени около 6 месяцев, и вот вдруг я узнал от монахини местонахождение «мощей». В ту ночь, когда трупы расстрелянных остались на берегу озера, группа самых отчаянных монахинь пробралась к этому месту и похитила их. Тщательно скрываясь, они тайно перевезли в монастырь трупы. Здесь в главной церкви в алтаре вырыли яму, обложили ее кирпичем и установили в ней «мощи». Узнав об этом, мы отодвинули с места престол и убедились в том, что Сима сказала правду. Монахинь, участвовавших в похищении теперь на месте не было. Несколько дней приходили люди и убеждались в проделках монастырских служителей. Перестало жить осиное гнездо».

И опять есть вопросы к автору текста. Как Церахто, помнивший мельчайшие подробности быта, фамилии и детские клички, мог перепутать Федоровку и Макарьевку? Как он мог принимать участие в комиссии, чья деятельность в районе проходила в мае 1923 года, а с его слов выходит, что страшная находка состоялась осенью 1921 года? Что его заставило ошибаться?

Отряд ЧОН был расформирован в мае 1921 года.

Об этом свидетельствует записка от 12 мая 1921 года руководства Курганского уезда командующему войсками Петропавловского уезда и Челябинскому губисполкому Советов: «...из юго - восточного сектора уезда, где оперирует отряд И-ва по борьбе с бандитизмом, получают сведения, не подлежащие сомнению и проверке, о том, что отряд деморализующе действует на население, остающееся до сего времени верным к советской власти, своими безосновательными действиями по конфискации имущества без оформления этого актами и протоколами (им допущено до 30 конфискаций), бессистемно проводимому террору (так, им расстреляны без суда служители культа и граждане в Боткинской, Байдарской и Саломатовской и других волостях, по заверениям волисполкомов, люди лояльные к госстрою), по самоснабжению своего отряда на глазах населения. Принимая во внимание, что дальнейшее такое бестактное поведение т. И-ва с точки зрения политической этики терпимо быть не может, в то же время, ценя его заслуги по борьбе с бандитизмом и зная, что он непосредственно в служебном отношении не подчиняется командованию нашего уезда, настоящим уисполком просит Вас принять соответствующие меры к укрощению пылкого командира и призвать его к порядку в порядке команды, иначе уисполком вынужден будет отказаться от услуг т. И-ва, как бы ценны они не были»[30].

Мне удалось узнать в процессе поиска имени некоторых людей из отряда ЧОН. Однако, по этическим соображениям я не буду их озвучивать – потомки не могут отвечать за их поступки. В этом случае факты следует придержать, иначе гражданская война никогда не закончится. Вновь образованным в Пресногорьковке отрядом ЧОН №3 руководил демобилизованный осенью 1921 года из рядов Красной армии Федор Церахто.

После разгрома восстания монастырь был ликвидирован, а церкви опечатаны. Монахини разбрелись, куда глаза глядят. Они были опасны для новой власти и подвергались преследованию. Зинаида Владимировна Дедова (1885 – 1934 гг.) вместе с монахиней Хавроньей после ухода из монастыря служили в молельном доме села Филиппово, устроенном местными крестьянами в небольшой землянке. В Чулошном жила монахиня Марьяна, арестованная за свою пасторскую деятельность. В Починовку ушла Ксения Григорьевна Веневцева, осталась верна монашескому обету до смерти в 1933 году. Монахини Марианна Терентьевна Цаплина и послушница Татьяна Семёновна служили в церкви села Чулошное. Монахини продолжали дело своей невинно убиенной игуменьи.

Слева К.Г.Веневцева

Показательна история монахини Зинаиды Дедовой. Курганский краевед Александр Иванович Дедов (1949-2015) пишет: «Дело было в небольшом дефекте глаз, доставшегося ей от рождения... «Пойду я, тять. Добрый мужик меня замуж не возьмет, а за худого я сама не пойду. Буду лучше Богу служить». Игуменье пришлось по сердцу Зинаида и она сделала ее посыльной – отправляла её в Курган и Омск, где Зина работала вместе с другими. Она была хорошей портнихой : шила платья, верхнюю одежду, вышивала рисунки на занавески, популярные в сельских домах. В монастыре выучилась читать и писать. Страшной мартовской ночью пришла Зинаида Владимировна в дом своего зятя Павла Дмитриевича Дедова, георгиевского кавалера, привезла на саночках свою воспитанницу Машу.

В молельном доме села Филиппово баба Зена, как называли ее односельчане, рукодельничала, делала вербочки к церковным праздникам, венки невестам. Шила одежду, занималась воспитанием приемной дочери.

Позже нашлись родственники и забрали ее в Петропавловск. Бабушка пошла пешком в Чулошное на похороны монахини Марьяны, простудилась и умерла. Она была смиренной женщиной – своему племяннику Павлу, не хотевшему вступать в колхоз, говорила – вступать нужно, нельзя идти против власти. «Весной на могиле Зинаиды Владимировны бурно цветет сирень. Филипповцы, бывая на кладбище в родительский день, подходят. Поминают, пока есть, кому помнить...»[31].

Уроженец Харьковской губернии, бывший священник монастыря, Павел Дмитриевич Пархомов, 1853 года рождения, после ликвидации монастыря проживал в Пресноредутском (1923 год). Работал фельдшером, заведующим больницей и аптекой в детском доме.

Иконы из монастырской церкви.2023 год.

Насколько монахини были опасны для богоборческой власти, говорит документ 1923 года – запись под схемой монастыря, преобразованного в артель «Труд». Неизвестный пишет: «Необходима изоляция построек, напоминающих старое монархическое время, как старая церковь и часовня, которые, в случае невозможности продажи с торгов, надо передать населению близлежащих сел. Ввиду того, что они до сего времени состоят в ведении монахинь, которые привлекают к богослужению значительную массу, агитируя среди таковых». Новую церковь предполагалось использовать под склад сельхозорудий. Позже новая церковь стала клубом, а Троицкая церковь – школой.

В экономии на берегу озера открыли социалистическую сельхоз артель «Труд». С 1922 года начал свою историю детский дом, в котором жили сироты, в том числе и дети «врагов народа». Детдом просуществовал до середины 60-х годов.

Надо сказать, что изучение дореволюционных страховых оценок и чекистской схемы 1923 года поставили меня в тупик. Несколько бывших жителей детдома оставили мне схемы его, но их сопоставление было похоже на разгадывание сложнейшего ребуса. Огромное количество насыпей и ям с остатками фундаментов дает представление о размахе

строительства за весь 60-летний срок существования монастыря и детдома. Недаром на картах место обозначено как «детгородок».

Монастырская площадь. Лето 2024 года

В послевоенные годы детгородок, по описанию Николая Лавринова, выглядел так: « Это – приспособленные под клуб и школу церкви бывшего женского монастыря. Потемневшие от времени строения, остатки садовой изгороди отдавали стариной, казались ветхими и тоже игрушечно маленькими. Непривычно тихо и безлюдно даже по сельским представлениям»[32].

Последний директор детского дома, Николай Петрович Расюк, в 2010 году рассказал автору о находке в старом подвале храма (в советское время – клуба) трёх черепов с характерными отверстиями. Их нашли в 1966 году и погребли там, где много лет назад положили монахинь. Место захоронения в наше время определить не удалось – часовни давно нет, как нет и старушек, знавших эту историю. С.А.Хамазин датирует находки 1969-м годом и вспоминает: «Я видел черепа, в одном даже была пуля от нагана. Проломы были в черепах сзади. Женщины и старушки, жительницы Песчанки, захоронили кости у каменной часовни на кладбище села. В чем хоронили и как я не знаю». Иван Дмитриевич Подобин рассказал, что «под сценой в клубе нашли черепа и остатки одежды, похоронили не на кладбище, а в монастыре и никому не сказали где».

В 2025 году от всего огромного комплекса монастырских зданий остались лишь стены двухэтажной школы и 1-ый этаж дома священника.

Обе церкви (клуб и школа) заросли тополями, кленами и кустарником. Где-то здесь, на церковном погосте, покоится прах есаула Казина. Местность покрыта остатками фундаментов различных сооружений, заросших кустарником и молодыми березами. По краю крутого склона проходит еле заметная борозда – ров, опоясывающий территорию монастыря, время почти сровняло насыпь дороги, петляющей вдоль озера к Макарьевке. В монастырском саду тишина. Опавший лист толстым слоем устилает землю. Изредка хрустнет под ногами ветка. Десяток огромных столетних сосен составляют аллею (*за проступок каждая монашка должна была посадить деревце и ухаживать за ним – прим. автора*), по которой некогда любила гулять игуменья, даже через сто лет видны остатки посаженных тогда деревьев, различима планировка парка из акации и сирени. Завершает строй сосен два сросшихся гигантских, в три обхвата, карагача.

Карагач в саду. Татьяна Виниченко. 2010 год

Дом игуменьи стоял у плодового сада, от него остался небольшой холм. Сад представлял собою квадрат, окопанный валом. Сегодня в нём растут огромные карагачи и клены, встречается сирень и дикая яблоня. Даже в сильную жару под их сенью прохладно и мрачно.

Вид, открывающийся с гребня, на котором в 1896 году отрыли первые землянки, очень красив – глубокая долина, озеро, привольная лесостепь. Посещение этого места оставляет в душе человека глубокий след – здесь существует поверье, что души расстрелянных монахинь неприкаянно бродят по окрестностям.

Подвижнический вклад игуменьи Евпраксии в развитии основ православного христианства в нашем крае трудно переоценить. До сих пор на Пресногорьковской линии пожилые люди вспоминают много хорошего о монастыре и его настоятельнице. Будем же и мы хранить память о

настоятельнице Архистратиго – Михайловского монастыря, крестный путь которой и мученическая смерть явили нам пример беззаветного служения Господу...

Автор у памятной доски на стене бывшей школы. 2023 год

В 2015 году был установлен поклонный крест на месте, где некогда располагался алтарь Троицкой церкви и прикреплена памятная доска на стену монастырской школы. Интересный поворот в этой истории – фотография игуменьи существует в единственном экземпляре, и взята она из книги воспоминаний Церахто. Это фото в виде памятной доски прикреплено к южной стене школы.

Архистратиго-Михайловский монастырь был включен в Карту сакральных мест Северо-Казахстанской области, а также указан в списке памятников истории и культуры Северного Казахстана. Взят под охрану государства в 2019 году.

Такое событие как расстрел монахинь и ликвидация монастыря надолго остались в памяти людей, но говорить об этом было опасно. Событие обрастало новыми деталями и стало легендарным. У половинского краеведа В.Г.Вахтина была версия, что игуменья не погибла в марте 1921 года, а скрывалась в семье Постоваловых в селе Башкирское Валентина Степановна Соболева (1922 г.р.) рассказала о том, что игуменью вызвали в 1935 году в ЧК. «Домой она пришла сама, избитая, вся в синяках. На допросе у неё пытались выяснить, где спрятаны ценности из монастыря, применяя пытки. Она прожила несколько дней и умерла. Тело игуменьи, зарытое в солому, увезли ночью на подводе и тайно захоронили». Родственников чекисты вызывали на допросы. На мой взгляд, это могла быть любая из изгнанных из монастыря монахинь. Жить в подполье 15 лет в селе, где любой сосед мог донести – нереально. Оставить в живых одну из участниц мятежа красные не

могли по определению. Подобные версии возможны только потому, что до сих пор не удалось найти документальные доказательства расстрела. Видимо, по той причине, что их попросту не оставляли. Ведь документ – это улика. Изучив все возможные документы, В.Г.Вахтин отверг гипотезу спасения игумены.

Многие вещи, связанные с монастырём, до сих пор кажутся странными и непонятными. Вот несколько примеров из моей копилки подобных историй. В начале 90-х годов разговорился я на российско-казахстанской границе с таксистом из Воскресенки. Пока ожидали своей очереди на проезд, поведал он мне свою странную историю. Взялся он однажды троих ребят из Макарьевки довести до Половинного. Границы тогда еще не было и по прямой выходило около сорока километров. Парни были крепко выпивши. Смеркалось. Проезжали возле монастырского леса. Таксист сказал шумной компании, чтобы поутихли – души монахинь своими криками можно побеспокоить. Те еще больше разошлись. Смеялись, что всё это байки и ничего такого быть не может. Всю ночь колесили по каким-то незнакомым степным дорогам. Компания протрезвела и поутихла. И таксисту было не по себе – дорогу он знал отлично. Ближе к рассвету выехали, наконец, к какому-то селению. Оказались вновь в Макарьевке. «Сильный урок тогда получили мои пассажиры – не стоит смеяться над такими вещами», – закончил водитель свою историю.

С автором книги в малом саду произошла странная история с фотографией. Попросил я одну из спутниц сфотографировать группу людей на фоне старых деревьев. Нас сфотографировали на фотоаппарат «Панасоник». Но вместо фото людей оказалась лишь фотография деревьев и кустарника (фото см. ниже)...

Однажды в моем доме раздался телефонный звонок. Звонившая поведала мне следующее.

Во-первых, о себе рассказчица говорила как о православной христианке, ясновидящей. В последние ночи ей неоднократно приходила (именно так) во сне игуменья Евпраксия. Она была сильно встревожена состоянием спрятанных ею за два дня до расстрела церковных ценностей – Библии, иконы, чаши для причастия, кресты и утварь для богослужений.

За два дня до гибели игуменья вызвала к себе казначея и спросила, на какой срок хватит продуктов. На этот вопрос монахиня - казначея ответила, что на два дня. Матушка сказала, что этого им хватит, так как через два дня их не будет в живых. Она вызвала пятерых монашек и приказала перетащить в крытый погреб все вещи. Погреб состоял из двух комнат, стены которых были обшиты доской. Во второй комнате стояли три ларя, в которых хранилась мука. В эти лари были сложены принесенные вещи и монастырские документы. После этого одна из монахинь поручила задание заложить дверь из одной комнаты в другую, заштукатурить и забелить. В первую комнату принесли стулья и столы, чтобы дверь не была заметна. Игуменья обратилась к монашкам со словами - если кто-то останется жив, то пусть укажет это место верующим, чтобы вещи вернулись церкви. Из утвари остались лишь несколько молитвословов для проведения оставшихся служб. Еще сказала она о том, чтобы не просили пощады у палачей – у них нет души, они не помилуют.

Через два дня явилась расстрельная команда. Главный спросил: «Показывай, ведьма старая, куда драгоценности спрятала?». На это игуменья показала молитвословы. Тогда начался обыск. Главный сам спускался по лесенке в погреб и приказал мебель отобрать, дверь не заметил. Во время расстрела одна из монахинь не выдержала, упала на колени, схватила за сапоги убийцу и молила о пощаде. Игуменья подхватила ее, когда души поднимались в небо и забрала с собою.

Теперь погреб завалился и утварь с иконами находятся в печальном состоянии.

Такой рассказ я услышал. Зная о том, что чоновцы действительно выпытывали у монахинь место, где те спрятали клад, а также то, что местные жители села Песчанки (в трёх верстах от монастыря) десятилетиями его искали, но так ничего и не нашли, я решил по имеющимся документам установить местонахождение погреба, тем более, что моя рассказчица довольно подробно описала это место. Имея на руках страховые оценки с описанием жилых и иных строений монастыря за период 1912-1914 год и план 1923 года, я изучил их внимательно.

Погреба на указанном рассказчицей месте в документах обнаружено мною не было, также, как и в страховых описях. «Ложбинка продолговатая, с провалом» тоже отсутствовала. Полагаю, что для чоновцев церковная утварь, как и иконы, не имели ценности, их интересовали совсем иные вещи. Всё же скорый расстрел без суда и

следствия старых монахинь, имевших непосредственное отношение к материальным ценностям представляется мне по-меньшей мере странным. Не было ни официальных допросов, ни очных ставок... Их даже не довели до Макарьевского ревкома! Что-то из ряда вот выходящее произошло в пути. Хотя пьяные и ошалевшие от безнаказанности «бойцы» могли это сделать от ненависти и сторяча.

В заключение следует отметить то обстоятельство, что поиски документальных свидетельств о мученической кончине ряда священников, игуменьи и сестер пока не увенчались успехом. Расстрельные команды не спешили доверить бумаге свои преступления, совершая издевательства и убийства без приговоров и записанных допросов. Устного приказа командира было вполне достаточно, чтобы «отправить к Духонину» (*расстрелять* – прим. автора) любого известного и любимого в народе человека, будь он писателем, генералом или священником. Автору известно по многолетнему опыту работы с историей человеческих судеб, что сами участники расстрелов и их потомство становились горькими пьяницами, уголовными преступниками и, за редким исключением, заканчивали плохо свой земной путь.

Хочется надеяться, что Господь даст в руки будущим исследователям доказательства гибели за Веру православных подвижников.

О деятельности Иакова Филипповича Барбарина

В 1901 году только что основанная община Казиной столкнулась с духовным испытанием – в районе станицы Пресногорьковской появился запрещенный священник Иаков Барбарин (1864-1914 гг.с. Давыдовское). Будучи настоятелем храма в с. Давыдовском Курганского уезда, он был отрешен от места и уволен за штат за сектантскую деятельность. Крестьяне села Осиновка писали о нем в Тобольск что: « много живут под его распоряжением девиц, которые живут в особой избе и будто бы молятся Богу. А молодые женатые мужчины каждую ночь ходят к ним, начиная с вечера, и проводят там всю ночь до утра, и говорят, что мы всю ночь молимся, а девицы эти и много замужних женщин косы отрезали и волосы носят в кружок, как мужчины». Все новообращенные почитали только своего учителя, который не обращал внимания на запрет служить – святил воду, совершал службы, проводил бракосочетания.

В районе женской общины Макарьевской волости ему помогал казак поселка Богатинского Пресновской станицы Михаил Полников. Воспользовавшись отсутствием начальницы, они явились в общину в августе 1901 года и «произвели здесь немало соблазна» (о.А.Поникаровский). Им удалось прельстить и увести с собой восемь сестер. Анна Васильевна 5 октября написала Преосвященному Сергию, Епископу Омскому и Семипалатинскому, что в станице Пресногорьковской «с каждым днем усиливается хлыстовщина». Барбарин с новыми последователями направились в станицу Звериноголовскую

поклониться новой чудотворной иконе. Крестный ход везде был радушно встречаем. Женщины казачьих поселков Пресноредутской и Камышловской пришли с Барбариним в Пресногорьковскую. Здесь они остановились на несколько дней. «Барбарин собирал народ и выступал с проповедями. Собрания эти больше напоминали радения хлыстов. Однако в Пресногорьковской «богомольцам» не повезло. Их обман разоблачил один урядник, заявивший, что «в Зверином чудотворной иконы не бывало и ныне нет». В результате Барбарин был побит, а «нечестивое скопище» изгнано из станицы». Из восьми сестер Казинской общины назад вернулись только две. Две сестры ушли в другие монастыри, иные же «так и не выпутались из сетей вражьих, остались там, где только печаль и воздыхание»[18].

Яков Барбарин на Валааме

Очевидцы оставили описание о. Иакова: «Детина огромного роста, жгучий брюнет с большой окладистой бородой, такими же густыми волосами, падающими на плечи. Лет не более 32-33. Некоторые женщины, подходя к нему на благословение, начинали громко рыдать и дрожать от непонятного страха. Женщины почему-то были молодые и красивые. «Святой» объяснял присутствующим, что это великие грешницы и тут же исцелял их. Иногда во время богослужения в церкви появлялась вода и поднималась выше колен. Женщины кричали о чудесах. Во время движения «богомольцев» от станицы Крутоярской к Песчаной путь вдруг преградила невесть откуда появившаяся речка. Женщины, подняв платья, перешли ее вброд, речка тут же исчезла. Случайно оказавшийся здесь пастух со стадом, увидев это необычное зрелище, счел, что это бродит толпа сумасшедших, и от страха угнал стадо подальше. В Звериноголовской этот «святой» жил в особняке с целым гаремом, пока не

прибыли мужья из окрестных станиц и заключили «святого» под стражу. Женщин-бунтовщиц отодрали плетьюми...»[19].

Монастырь на Алабуге

Надо сказать, что Барбарин неоднократно служил в монастыре, основанном на речке Алабуга крестьянами переселенческих хуторов. Личность его оценивается неоднозначно. В Давыдовском до сих пор стоит церковь, им построенная. Умер Барбарин 27 ноября 1914 года от тифа, оставив жену Марию Ивановну и четверых детей. Он упокоился на кладбище в Давыдовке с надписью на кресте «На сем месте погребено тело раба Божия, Христа ради юродивого священноиерея Иакова Барбарина «Кому тяжело, поминайте Яшку», рядом лежит юродивый Павел Егорович и сожженный красноармейцами в 1921 году священник Федор Евгеньевич Трапезников. Говорят, что юродствующий в последние годы жизни Барбарин как-то подал отцу Феодору сильно подгоревший кусок хлеба со словами: «Вот так и у тебя будет». Именно Иаков Филиппович Барбарин призвал народ в 1896 году построить новый каменный храм, который и по ныне стоит в Давыдовке Притобольного района Курганской области.

Яков Филиппович Барбарин, студент Воронежской духовной семинарии, 1887 год

Мария Иоанновна Барбарина, жена священника
Антоний, епископ Тобольский и Сибирский о Г.Е. Распутине (с изъятиями)

«...Последовательницы и последователи обвиняемого в лжеучении близком к хлыстовству и ныне запрещенного в священнослужении и сосланного по указу Св. Синода на Валаам священника Иакова Барбарина, при своем паломничестве в Абалакский монастырь постоянно посещают дом Распутина, участвуют там в ночных собраниях и в песнопениях по сектантским сборникам. № 4952-й, г. Тобольск. 12 сентября 1907 года».

Иаков Филиппович Барбарин (1864–1914) — священник, настоятель храма в селе Давыдовском Курганского уезда.

Родился в Воронежской губернии. В 1887 году окончил местную семинарию со званием студента. 1 ноября того же года его рукоположили в дьякона на штатное место к Дмитриевской церкви села Новохуторского Бирюченского уезда. 5 февраля 1889 года Барбарин перевелся в село Волуй.

В 1890 году Иаков перебрался в Тобольскую губернию и 1 августа был рукоположен в священники Покровской церкви села Булашевского Тобольского уезда. 3 июня 1895 года, через пять лет беспорочной службы, он, согласно прошению, перевелся в Михайло-Архангельскую церковь села Глядянского. 10 января следующего года, написав прошение, о. Иаков был перемещён к Богородице-Казанскому храму села Давыдовского.

В 1897 году о. Иаков повенчал несколько пар из чужого прихода, не спросив у молодожёнов надлежащих документов и не поставив в известность священников в их приходах. 3 сентября ему за это был объявлен выговор.

По указу Тобольской духовной консистории от 17 ноября 1899 года, «за неисполнение законного предписания местного благочинного и за повенчание двух браков Дмитриева и Богданова без точного соблюдения предбрачных предосторожностей» Иаков Барбарин был отрешён от Давыдовского прихода.

19 мая 1900 года консистория «за упорное ослушание» вынуждена была запретить Иакова Барбарина к священнослужению. 17 июля за продолжающееся упорное ослушание его отрешили от места за штат, однако с предоставлением права искать псаломщическую вакансию.

После долгой паузы 6 октября 1904 года консистория разрешила священнослужение «как незамеченному в последнее время в чём-либо предосудительном». И почти следом, 29 декабря, она вновь ввела запрет, поскольку Иаков Барбарин вновь обнаружил психическое расстройство и нарушил ранее данные письменные обещания.

Умер Барбарин 27 ноября 1914 года от тифа, оставив жену Марию Ивановну и четверых детей – Владимира, Дмитрия, Ивана и Лидию.

Источник: Михайлов А.А., Кузьмин А.Д., Неурочная обитель//Курган и курганцы. 29.03.2012

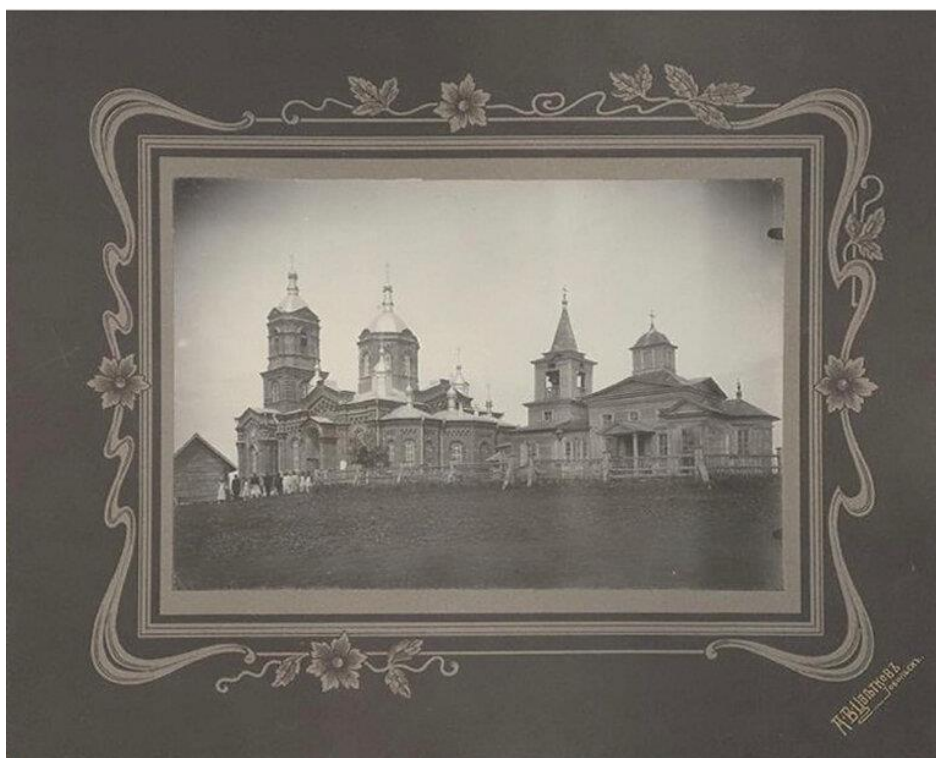

Место погребения Якова Барбарина в с. Давыдовском. Фото 2023 года

Известный ученый-эпидемиолог Виктор Николаевич Ягодинский (1928-2017, Москва) в телефонном разговоре со мной незадолго до своей кончины пообещал прислать мне благодарственное письмо одному из его ближайших родственников отцу Виктору Тимофеевичу Ягодинскому, подписанное 12-ю священниками. Своё обещание профессор выполнил. Цитирую два первых абзаца письма:

«В 1911-м году Вы добровольно сложили обязанности благочинного 3-го округа Курганского уезда, прослужив в этой должности более 12 лет.

Много было перенесено вами за это время трудов, много пережито неприятностей. При Вашем руководстве и деятельном участии построено два величественных каменных храма – в селе Гладковском и Давыдовском, и два деревянных в сс. Нижне-Алабужском и Васильевском. На Вас, по преимуществу, пала тяжесть той смуты, которую посеял в нашем округе о. Иаков Барбарин. При водворении порядка Вам приходилось переносить оскорбления не только не только словами, но даже и действием, но вы кротко и любовно делали свое дело и сумели упорядочить разстроенную приходскую жизнь...Октябрь 1913 года».

Слева - каменный храм в Давыдовке (действует поныне).
Справа- деревянный храм , перевезенный в село Павловка, Демьяновского
(ныне Узункольского района), разобран в 30-е годы

Приложение:

Сельхозперепись 1917 год (Ерёмин Н.А.)

Архистратиго - Михайловский Женский (Казинский) монастырь был включен в сельско-хозяйственную перепись посёлка Пресногорьковского.

Земля - **157** десятин, включая
пахотная - 87 десятин
сенокосная - 70 десятин

Скот-**156** голов, включая
лошадей (разного возраста) - 32
коров - 59
овец - 60
свиной -5

С/х машины - **26** штук, включая
плуг однолемешный - 1
плуг многолемешный - 2
бункеровка - 1

сеялка - 1
веялка - 1
телеги на железном ходу -5
телеги на деревянном ходу -10
сенокосилка - 2
конные грабли - 1
лобогрейка -1
самосброска -1
сноповалка -1

Письмо игуменьи Евпраксии императрице:

Ея Императорскому Величеству

Государыне Императрице Александре Феодоровне

Омской епархii Акмолинской области

Петропавловскаго уезда, Архистратого-

Михайловскаго общежительнаго женскаго

Монастыря настоятельницы монахини

Игуменii Евпраксии с сестрами

Всеподданнейшее прошение

Всемиловейшая Государыня!

Оставшись после мужа бездетной вдовой, я приняла иночество и 12 лет тому назадъ на пожертвованной мною земле, в количестве 800 десятинъ, Божіей помощію устроила общежительный женский монастырь в честь

Архистратига Божія Михаила. Монастырь находится въ безлюдномъ месте между станицами Пресновской и Пресногорьковской, Акмолинской области, на границе Киргизской (казахской – прим.С.В.) степи въ 4 верстахъ отъ того пути, по которому изволилъ въ 1891 году следовать Вашъ Возлюбленный Супруг, Нашъ Державный Повелитель. Будучи пионеромъ христіанства въ такомъ глухомъ углу, какъ Киргизская (Казахская- прим.С.В.) степь.

Монастырь въ настоящее время даетъ приютъ уже 154 сестрамъ и призываетъ 20 девочекъ, круглыхъ сиротъ. Содержится Монастырь исключительно на средства приобретенныя трудомъ сестеръ. Изъ которыхъ большая часть старыхъ немощныхъ и въ ихъ числе есть еще 6 слепыхъ.

Примите во вниманіе, Всемиловейшая Государыня, много ли могутъ заработать полубольныя и старыя женщины земледельческимъ трудомъ при настоящихъ неурожаяхъ, а между темъ нуждъ у Монастыря такъ много.

Нуженъ более благолепный храм...Нужна школа при храме – этотъ разсадникъ Знанія въ духе православія, Самодержавія и народности.

Много нуждъ, страданій, горя. Надежда мне только на помощь Божію и на Васъ Наша Любвеобильная Мать. Земно кланяюсь Вамъ Всемиловейшая Государыня и всенижайшее прошу помогите намъ.

Темъ укажите Ваше Сердце, и не обратитъ ли на насъ сирыхъ, обездоленныхъ свое милостивое вниманіе Вашъ Возлюбленный Супругъ, Нашъ всеобщій Заступникъ Помазанникъ Божій.

Повергаемъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества выраженіе

верноподданическихъ чувствъ, всякой преданности и готовности посвятить все свои силы на пользу Государя и Отечества подъ сенію православной Церкви настоятельница монастыря монахиня игуменія Евпраксія. На письме стоит штамп «КАНЦЕЛЯІЯ Императрицы Александры Феодоровны. 19 декабря 1911 года»
И виза №19 от 23 янв. 1912 года – Оберь Прокурору Св. Синода.

Странное фото без людей в монастырском саду. 2012 год

О.Никон Костин в старом саду монастыря. 2022 год

Паломницы. 2015 год. Фото автора

К Троицкой церкви

Панихида у поклонного креста. 2022 год

Баннер с информацией о монастыре

Сколько же людей видели эти стены!

В малом саду. Фото Татьяны Сергеевны Потаповой

Автор (справа) у пруда. 1987 год

Установка поклонного креста. о. Андрей (Крутин) и о. Евгений (Елагин)
2015 год

Место нахождения тел расстрелянных монахинь в алтаре церкви
Св.Троицы в 1921-22 гг.

Вид на озеро. На северном берегу была экономия. 2025 год

Сосны, посаженные сестрами-послушницами. Фото Татьяны Потаповой

Дом священника, 1987 год, июль

Панихида на месте алтаря Троицкой церкви

Место алтаря и захоронения монахинь

В монастырском лесу

Освящение креста . О.Дмитрий Тапеев. 2010 год

2015 год

Сергей Виниченко и кандидат философских наук Сергей Шатилов,
исследователи истории монастыря, 10.10.2010

Реконструкция церкви во имя Св.Троицы художника А.Листопадного (Петропавловск).

Владимир Виниченко с МД, октябрь 2025 год

Автор у западной стены дома священника

Северо-западная часть стены школы

Источники

- 1.Церахто Ф. Две эпохи – кн.1.Жданов, 1967, рукопись.
2. Преображенский С.В. О прожитом //в журнале «Урал», №8.Екатеринбург, 2007.
- 3.Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф.154.
- 4.Метрическая книга Казанской церкви крепости Пресногорьковской за 1800 год.
- 5.Муканов С.М. Промелькнувший метеор, т.1 – Алма-Ата, 1973.С.331.
- 6.Исторический архив Омской области. Ф.67.
- 7.Исторический архив Омской области.Ф.67.Оп. 2.Д. 3320.Л. 1–6. ПС 1878 г.
8. Российский Государственный Исторический Архив.Ф.796.Оп.182.Ед.хр.1548,Л.4.
9. Яковлев Г. Три сестры//Сб.Сибирский казак. №1, – Харбин,1934.
- 10.РГИА.Ф.796.Оп.182.Ед.хр.1548,Л.1.
- 11.Поникаровский А. Омские епархиальные ведомости. №4.1908 год.
- 12.Страховая оценка от 1910 года. РГИА.Ф.799.Оп.33,Д.1125.Л.3.
- 13.Ведомость о добродетельных пожертвований разными лицами денег и вещей в пользу общины с 1897 по 1907 год. Омские епархиальные ведомости, 1908 год.
- 14.ИАОО Ф.16.оп.1 д.45,Л.175-177 об.
- 15.ИАОО Ф.16.оп.1 д.53,Л.370-374.
- 16.РГИА.Ф.799.Оп.33,Д.1125,Л.3.
17. РГИА .Ф.799.Оп.26.Д.843.Л.8об. Из «визитной карточки» монастыря. 1915 год
18. Поникаровский А. Омские епархиальные ведомости. №4.1908 год.
19. Церахто Ф. Так было когда-то. –Жданов, 1980 год.
20. Казина А.В. Михайловская община Омской епархии //Русский паломник, №16 – Спб,1903 год).
- 21.Виноградов В., *свящ.* Отчет омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Омской епархии в учебно-воспитательном отношении и за 1913-1914 учебный год // ОЕВ. 1915. № 3, 1 февр. (Ч. оф.) С. 27–28, 31.
22. РГИА.Ф.799.Оп.26.Ед.хр.843.Л.2об.
23. Виноградов В. Поездка Его преосвященства Андроника епископа Омского и Павлодарского по епархии для обозрения церквей Петропавловского и Кокчетавского уездов.– Омск, 1913. 89 с.
- 24.И. Голошубин. Омская епархия, – Омск,1914 год. С.140.
25. Освящение молитвенного дома с алтарем в поселке Пресногорьковском, ст. Пресногорьковской Петропавловского уезда Акмолинской области Омской епархии // ОЕВ. 1908. № 14, 15 июля. (Ч. неоф.) С. 35–36.
- 26.Скворцов А. Размышления о непостроенном храме //Субботняя газета, 14.09.1996, Курган.
27. ЦА ФСБ РФ.Ф.1 Оп.4.Д.214.ЛЛ.22-26 об.
28. ОГА Челябинской области.Ф.П-77,Оп.1.Д.344.Л.42об.
29. Дедов А.И. В тени монастырских стен, –Половинное, 2011 год.
30. Государственный архив Курганской области.Ф.р.635.Оп.4.Д.23.Л.186, автограф.
31. Дедов А.И.Люблю не претендуя. – Половинное, 2005 год.
32. Лавринов Н.Жизнь,–Москва.2000.

Текст очерка размещен в книге Виниченко С.Тихий Ишим. Очерки истории гражданской войны в Северном Казахстане и Зауралье.1919-1922гг.–Костанай. 2026. 21 с.

Из истории детского дома имени В.И.Ленина (1922-1966)

Своими поисками я попытался хотя бы частично раскрыть вторую главу истории этого удивительного, сакрального для нас, места. Сделать это необходимо хотя бы для того, чтобы не упала на дно глубокого колодца память о людях искренне и честно трудившихся на благо народа, не испрашивая для себя лично никаких званий и привилегий.

После казни монахинь монастырь был объявлен гнездом белогвардейского заговора и закрыт весной 1921 года. Здесь в бывшей экономии открыли сельскохозяйственную артель «Труд», в которую вошли крестьяне села Песчанка Илья Церахто, Ющенко, Николай Костиц и казак из Пресноредути Иван Шилов. Еще некоторое время в домах жили два десятка бывших монахинь, которым некуда было идти.

Школа. Западная стена. Год строительства 1914 год

В документе 1923 года некто писал: «Необходима изоляция построек, напоминающих старое монархическое время, как старая церковь и часовня, которые, в случае невозможности продажи с торгов надо передать населению близлежащих сёл. Ввиду того, что последние до сего времени находятся в ведении монахинь, которые привлекают к богослужению значительную массу, агитируя среди таковой. Новую церковь предполагается использовать под склад для сельхозорудий». Тогда же были открыты опечатанные церкви и проведена конфискация церковных ценностей. Монашки были изгнаны и разбрелись, кто куда. Но некоторые служители какое-то время ещё работали здесь. Священник монастыря Павел Дмитриевич Пархомов, 1853 г.р., работал в 1923 году фельдшером, заведовал больницей и аптекой. Дальнейшую его судьбу проследить не удалось.

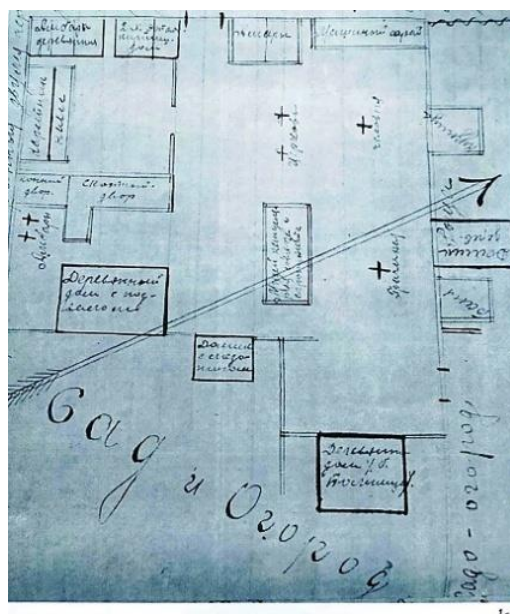

Схема детдома с намеченными постройками. 1924 год

Житель села Макарьевки Николай Дмитриевич Виниченко(1932-2014) вспоминал:

« В годы войны в селе остались старики, женщины и дети. В каждом доме царил нищета. Голодные, плохо одетые, от восхода солнца до заката все должны были работать. Подростки в возрасте двенадцати - пятнадцати лет выполняли всю тяжёлую мужскую работу. Сегодня мало кто знает, что такое лобогрейка. Работа на этой косилке валила с ног крепких мужиков, но приходилось и на ней трудиться. Посевную проводили на собственных коровах – пахали, потом сеяли зерновые. Коров пригоняли в бригаду, запрягали по шесть голов в плуг или бороны. Пацанов ставили погонщиками. Младшие дети собирали в поле колоски и сдавали их учетчику. Чувство голода было постоянным, но взять домой колоски, чтобы сварить похлёбку было невозможно – дело подсудное. Бедные наши мамы! Как они пережили годы войны и подняли своих детей. Особенно трудно жилось зимой. Печи топили кизяком, обуви всем не хватало, помню, как бегал к бабушке в одних носках. Но, как бы голодно не было, вечерами устраивали посиделки в чьей-либо хате. Танцевали под балалайку, пели песни и частушки. Летом никто из бригады домой не ходил ночевать – в бригаде кормили дважды в день, чего не было дома. Колхозные поля граничили с посевами детского дома. Если сравнивать близлежащие сёла с территорией детдома, то цивилизация отметилась только в нём. Добротные двухэтажные дома с красивой архитектурой, утопавшие в зелени. Рос фруктовый сад, вокруг идеальная чистота. Это место всегда манило к себе. Побывать в детском городке было большой радостью для нас. Здесь даже воздух казался другим, чувствовалась сильнейшая энергетика этого намоленного места. Прошло более полувека, здесь всё уничтожено, кроме стен трёх кирпичных зданий, но энергетика осталась прежней. Думаю, это место хранит в себе всё доброе, что было в монастыре, а потом в детском доме.

Мне кажется, что место для строительства монастыря благословил сам Бог, а вот разрушили его по велению каких-то тёмных сил. Во время войны в детском доме было организовано трёхразовое питание. Детей тепло одевали и спали они в нормальной постели. Школьники были дисциплинированы и организованы. В километре располагалось подсобное хозяйство, за счёт которого и жил детский дом. Работали много и трудно. Кроме посевных площадей были коровы, свиньи, овцы и птица. С нелёгким хозяйством успешно справлялись. Макарьевским подросткам очень хотелось попасть сюда в гости. Но существовало негласное правило – мы почему-то не должны были встречаться с детдомовцами. Но однажды посчастливилось. Нина Скачко, Ваня Кириченко и я побывали на танцах в клубе детдома. Здесь мы впервые в жизни увидели и услышали баян. Клуб располагался в здании бывшей церкви, помню мощные стены и полукруглые арки окон. В последние годы часто посещаю эти места и вспоминаю своих тётушек, работавших здесь в годы войны. Мария Егоровна Вольва работала няней. Пилили дрова и она поранила руку, умерла в девятнадцать лет. Александра Руфовна Виниченко (1918-2005,Екатериновка) работала дояркой и поваром. Она всегда с особой теплотой вспоминала о воспитанниках детского дома и отмечала, что детей одевали и кормили лучше, чем детей окрестных сёл».

Детдомовцы в годы войны

В детгородке проживали детишки разных национальностей, из многих областей Советского Союза. Здесь были сироты из семей спецпереселенцев, дети репрессированных и эвакуированные из западных областей воюющей с фашизмом

страны. Вечерами у костра они пели грустные и протяжные песни о своей недетской тяжёлой доле.

Костёр горел дрожащим светом,
Вокруг детдомовцы сидят,
Они сидят, о том мечтая,
Как будут дальше проживать.

Зачем ты, мама, нас родила,
Зачем на свет произвела,
В костюме детдома нарядила,
Судьбу несчастную дала.

Костюм детдома презирают,
Нигде покоя не дают,
и только слышно укоряют-
Опять детдомовцы идут.

Но мы детдомские ребята,
Мы не боимся ничего,
Пускай счастливые смеются,
А нам, детдомским, всё равно..

(Песня записана автором в п. Макарьевка в 2009 году. Ефашина Мария Семёновна, 1935 г.р).

О посещении детского дома в 1948 году вспоминал писатель Николай Георгиевич Лавринов: «Миновав последние деревья на бугре, оказываюсь в посёлочке с теми же, что и до войны несколькими одноэтажными домиками, двумя двухэтажными зданиями и двумя сооружениями, по-прежнему непривычной формы, с неестественными кровлями, напоминающие теперь почему-то всадников без головы. Это приспособленные под клуб и школу церкви бывшего монастыря. Потемневшие от времени строения. Остатки садовой изгороди отдавали стариной, казались ветхими и тоже игрушечно маленькими. Непривычно тихо и безлюдно даже по сельским меркам». Берёзовая роща за время войны основательно поредела – была частично выпилена на дрова. Очевидец писал: «Во всём старались обойтись собственными силами – сами вели подсобное хозяйство, ремонтировали, заготавливали дрова. Суровые зимы каждый раз уничтожали дров больше, нежели их успевали заготовить и тогда пилили берёзы в своей роще. Жалко было красавицу рощу, но не замерзает же. Пилили, рубили, жгли. Остались только тонкие берёзки среди множества уродливых пней разного калибра... Осенью все участвовали в уборке урожая. Старшие воспитанники веяли зерно, перелопачивали его, чтобы не загоралось. Малыши собирали на полях колоски. Дорого было каждое зёрнышко».

О нелёгких, порой трагичных, судьбах воспитанников следует рассказать особо. Но об одном из руководителей детгородка, его жизни и деятельности, постараюсь рассказать подробнее.

Весной 1928 года заведующим детгородком работал Корней Дмитриевич Иванов, житель деревни Пилкино. В 1939 году директором был назначен Фёдор Герасимович Гудыма.

Фёдор Герасимович Гудыма. 1942 год

Родился он 28 февраля 1913 года в поселке Котюбокском Денисовского уезда Тургайской губернии в семье крестьянина-бедняка. Родители переехали сюда из Каменец-Подольской губернии в 1908 году, и крестьянствовали. Отца, умершего в 1916 году, Фёдор не помнил. В хозяйстве было две лошади, корова и старая бричка. Мать, Юлия Гавриловна, осталась с четырьмя детьми на руках, семья жила тяжело. Но мать всячески старалась поднять детей. «С мая 1920 года я начал трудовую деятельность в хозяйстве своей семьи, из-за отсутствия обуви и одежды я не имел возможности своевременно начать учёбу, которую начал только с 10 лет – в 1923 учебном году, причём учёба протекала с большими перерывами». С мая по ноябрь 1926 года Фёдор пас скот у кулаков поселка Котюбокский, получая за работу пропитание. До 1930 года работал в своем хозяйстве, стараясь помочь матери хоть как-то осилить нужду – в хозяйстве были две лошади, две коровы, с десятков овец и лобогрейка, кроме того, засевали шесть гектар пшеницы Став старшим в семье после ухода брата в Красную армию Фёдор вступил в организованный колхоз «Искра», стал членом комсомола и комсоргом колхоза. В феврале 1931 года Федора направляют на учительскую работу в Котюбокскую начальную школу. До 1938 года Фёдор Герасимович работает заведующим школы, его неоднократно поощряют званием ударника педагогического труда. Он активно занимается самообразованием повышает свой профессиональный уровень на курсах в Денисовке и Кустанае, изучает опыт Макаренко по созданию трудовых коммун.

В феврале 1938 года райпарторганизация Джетыгаринского района выдвинула Фёдора на работу в Джаильминский детдом Джетыгаринского района на должность заведующего, где он проработал до июня 1939 года. По ликвидации детдома приказом Кустанайского облоно его перевели в директором в Пресногорьковский детдом.

На новое место назначения Фёдор поехал женатым человеком – в Джайльмы он познакомился с пионервожатой Марией Григорьевной Тихой, ставшей верной спутницей жизни.

Учительский коллектив детгородка, 60-е годы

Из воспоминаний Марии Григорьевны:

«До образования детской коммуны, здесь был Архистратига – Михайловский женский общежительный третьеклассный монастырь. В монастыре была церковь, а когда образовался детдом, в том здании разместился клуб. В детдоме было 5 жилых домов. Дома были 4-х квартирные, по две комнаты. В этих квартирах жили учителя и воспитатели детдома. Дальше, по дороге, за большим садом, по направлению к Редути, были постройки (временки) для работников детдома.

На площади был 2-х этажный дом, в нём жили воспитанники детдома. Дальше за школой был жилой дом для сотрудников и швейная мастерская. Затем шли складские деревянные помещения. Далее стоял большой кирпичный 2-х этажный дом, где внизу была столовая и пекарня, а на втором этаже библиотека. В середине двора, около библиотеки, был памятник маленького Володи Ульянова с кудрявой головой. Он одной рукой опирался на стопку книг.

В детдоме было два сада, один большой, один маленький. За школой была баня и прачечная, ещё был кирпичный дом, в котором размещался изолятор для приёма детей, поступающих в детдом».

Ф.Г.Гудыма на излечении в Кисловодске

В октябре 1942 года Фёдора Герасимовича призвали в армию. В лётном училище он получил военную специальность инженер связи и присвоено звание лейтенант.

Во время одного из боевых вылетов самолёт был обстрелян и Фёдор Герасимович получил тяжелое ранение, но остался жив и попал в госпиталь. После 6-ти месячного лечения в госпитале он был комиссован. Фёдор Герасимович вернулся в детдом, так как там оставалась семья и старенькая мать. Во время отсутствия Фёдора Герасимовича детским домом руководил Борщёв Василий Сергеевич.

Стоят: Вячеслав, Адасий. Сидят: Фёдор Григорьевич, Мария Григорьевна. Галина, Людмила, Валентина (фото сделано в детдоме).

«Фёдор Герасимович много времени уделял воспитанию детей. Они почти все были сироты. Даже одну девочку (немочку) взяли себе на воспитание, хотя в семье у самого уже было своих трое детей. Девочка воспитывалась в семье, посещала школу и швейную мастерскую, училась шить. Годы шли, девочка выросла и вышла замуж. Фамилия этой девочки – Шмидт Мария. А старшая сестра её Соня (София Эдуардовна Крейтер – прим.С.В.) воспитывалась в этом детдоме. Детей, достигших 14-ти летнего возраста трудоустраивали, многие шли в ФЗО. У некоторых объявлялись родственники. Воспитанников было много, около семисот человек» – вспоминала Мария Григорьевна Гудыма.

В Кустанае на музыкальном конкурсе, 1959 год

Показателен факт взятия Фёдором Герасимовичем Маши Шмидт на воспитание. Мария была сиротой из семьи спецпереселенцев, которые находились под пристальным вниманием НКВД. Но это обстоятельство не остановило Фёдора Герасимовича, что характеризует его как смелого и решительного человека. Ранение и постоянное напряжение вынудили его оставить должность директора детгородка и, поработав воспитателем еще два года, он перевёз в 1959 году семью в поселок Алексеевка, рядом с только что освоенным Соколовско-Сарбайским горнорудным месторождением. Фёдор Герасимович Гудыма до ухода на заслуженный отдых работал здесь инженером по технике безопасности. Ушёл из жизни 5 апреля 1980 года. На его проходах в последний путь пришло немало воспитанников детдома, проживавших тогда в городе Рудном. Мария Григорьевна скончалась в 2010 году, прожив почти 90 лет.

В 2009 году мне удалось поговорить о судьбе детского дома с Николаем Петровичем Расюком, на тот момент жителем города Кургана. Он с горечью поведал мне о закрытии детдома в 1966 году, непосредственным свидетелем и участником которого он оказался. Директора детского дома вызвали в областное управление образования в Петропавловск. Там ему передали Постановление Совета Министров Казахской ССР, в котором

говорилось, что детский дом имени В.И. Ленина ликвидируется по причине удаленности от областного центра и отсутствия дорог (*шоссе Петропавловск-Кустанай будет построено через год – прим.С.В.*). 187 воспитанников предлагалось распределить по интернатам области. Для Николая Петровича это стало сильнейшим потрясением – ничего не предвещало трагического конца. Были построены новые корпуса, банно-прачечный комбинат... Он стал свидетелем уничтожения комплекса зданий. Трактора тросами рвали стены, обыватели тащили всё, что можно было унести. Тогда же, по словам Расюка, в подвале бывшей церкви, где располагался клуб, были найдены три черепа с характерными круглыми отверстиями. Песчановские бабушки с благоговением захоронили их на погосте рядом с прахом расстрелянных в 1921 году монахинь. Окончательно затерялись следы погоста, на котором лежит есаул Алексей Прохорович Казин, муж игуменьи Евпраксии.

Писатель Сабит Муканов среди воспитанников детского дома.1954 год

Николай Дмитриевич Виниченко написал: «В 2012 году мы дважды побывали на территории детдома, обошли все развалины, постояли у поклонного креста на месте бывшей церкви, в алтаре которой нашли тела монахинь. Погоревали. Погрустили, а затем зашли в сад, где росли вековые сосны, посаженные монахинями. На деревьях сотни грачиных гнезд и сотни чёрных грачей. Они получили эту территорию от разрушивших Веру. При виде нас это скопище чёрных птиц подняло такой галдёж и крик, что привело нас в какое-то тревожное смятение. Мы постарались покинуть это место...». Мой друг, писатель Александр Иванович Дедов(1949-2015) ответил тогда отцу: «Помнишь у художника Глазунова: мёртвое поле и туча чёрных птиц в небе – конец света».

Вход в подвал клуба

Дом священника

Видится мне, что варварское уничтожение дореволюционных зданий детского дома было напрямую связано с ликвидацией в 1963 году Пресногорьковского района, часть которого отошла в Северо-Казахстанскую область, руководители которой банально решили сэкономить денежные средства.

На разрушенных стенах множество нацарапанных надписей – их оставили в разные годы воспитанники детского дома. Многих уже давно нет на белом свете, как и их учителей, но через всю свою жизнь они пронесли тёплые воспоминания о людях, давших им путёвку в жизнь.

Список лиц, которые работали в детдоме им. Ленина в 40-60 гг.
(из воспоминаний М.Г.Гудыма).

Гудыма Фёдор Герасимович – директор детдома
Гудыма Мария Григорьевна – воспитатель детдома
Шиков Григорий Иванович – воспитатель
Шлегель Берта Георгиевна – фельдшер
Ходорыч Иван Иванович – воспитатель
Ходорыч Мария Александровна – учитель
Аханов Бикен Жусупович - директор школы (*учил отца автора в
Макарьевке –прим. С.В.*)
Мирошниченко Евгений Евгеньевич - завуч школы
Фролов Василий Иванович – шофёр
Козарчук Ян Николаевич – повар
Козарчук Миланья – техничка
Василиокиоти Мария – библиотекарь
Подобин Василий Степанович – бухгалтер
Божко Василий Парамонович – плотник
Байбародов Алексей Кузьмич – мастер швейного дела
Успенъев Николай Егорович – кузнец
Федотова Анна Даниловна – учитель
Федотова Марта Даниловна – учитель
Алексеев Сергей Максимович (бывший воспитанник) – музыкант и
худ. руководитель.
Кириченко Анисия Александровна – учитель
Кириченко – шофёр
Дорошенко Григорий – завхоз
Дорошенко Лидия – воспитатель
Кин Екатерина – прачка
Павленко Николай - дворник

Сергей Николаевич Воропаев, автор знаменитого лагерного дневника(1921-1945) работал пионервожатым в предвоенные годы.

Этот список далеко неполный – через школу детского дома прошли многие поколения учителей, назвать их всех не представляется возможным. Низкий им поклон за нелёгкий учительский труд.

Автор выражает благодарность Людмиле Фёдоровне Данилич (Гудыма), Эрику Викторовичу Крейтеру за помощь в подготовке материала.

Сергей Виниченко

Казинский монастырь:
мифы и факты